

№6/2014

Известия Русского Севера

ЖУРНАЛ О ЖИЗНИ СЕВЕРНОГО КРАЯ

19 ноября –
день рождения
М.В. Ломоносова
(1711–1765)



Совет журнала:

КЛОЧЕВ Сергей

Юлиевич –
председатель
культурно-
просветительного
общества «Норд»

КУДРЯШОВА Елена

Владимировна –
доктор философских
наук, профессор, ректор
Северного Арктического
федерального
университета,
председатель
Краеведческой
ассоциации
Архангельской области

КУДРЯШОВ Юрий

Владимирович –
доктор исторических
наук, профессор,
член-корреспондент
РАЕН

РЕПНЕВСКИЙ Андрей

Викторович –
доктор исторических
наук, профессор,
действительный
член Академии
геополитических
проблем

ПОДОПЛЕКИНА

Надежда
Николаевна –
директор ГБУК АО
«Архангельский
краеведческий музей»

ШУБИН Сергей

Иванович – доктор
исторических наук,
профессор САФУ

Издатель: ИП Ключев С.Ю.

**Адрес редакции,
издателя:**
163000, г. Архангельск,
ул. Поморская, д. 34.
E-mail: oookira@atnet.ru

Фото на первой странице
обложки – С.Ю. Ключев

☐ – материалы, помеченные
этим знаком, принадлежат
редакции.

● – материалы, помеченные этим
знаком, публикуются на платной
основе.

Известия Русского Севера

ЖУРНАЛ О ЖИЗНИ СЕВЕРНОГО КРАЯ

№6 (30) 2014

культурно-просветительный и научно-популярный журнал
периодичность: восемь раз в год

Официальный орган Краеведческой ассоциации Архангельской области

Учредитель: Архангельская региональная общественная организация
«Добровольное культурно-просветительное общество «Норд».
Выпускается при участии областного Архангельского
краеведческого музея и Архангельского отделения
Российского общества историков-архивистов.

Главный редактор: Ключев С.Ю. 8 (8182) 655-191

Ответственный секретарь: Овчинникова Т.В.

ПАМЯТНИКИ И ВЛАСТЬ

Отношение к истори-
ческим памятникам луч-
ше всего характеризует
стиль работы властных
структур того или иного
региона.

Приехав в любой
город, посмотрите на
установленные памят-
ники и скульптуры на
его улицах и площадях:
убирается ли террито-
рия вокруг памятников,
в каком состоянии нахо-
дятся монументы, вове-
ря ли ремонтируются.

Наличие информационных табличек тоже говорит о многом:
составленные казенно (название, автор и год установки) или
с достоинством рассказывающие о событиях и лицах, кото-
рым посвящен памятник.

По состоянию памятников можно судить о работе ком-
мунальных служб и способности первых руководителей или
чинить спрос с подчиненных, или пустить все на самотек.
Забота о сохранности памятников показывает интеллекту-
альную составляющую власти.

Выборочное отношение к памятникам (за одними ухажива-
ем, другие пусть разваливаются) говорит не только об идеоло-
гической составляющей власти, а часто и способности испол-
нительной власти взаимодействовать с законодательной.
Совместно всегда можно найти решение для сохранения исто-
рической памяти. Посмотрите у себя в городе, в каком состоя-
нии находятся памятники?

С.Ключев, председатель культурно-просветительного общества «Норд»



*Много сменилось местных
властителей, а памятник парусному
флоту Архангельска – шхуна «Запад» –
уже не первое десятилетие
продолжает разваливаться*

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕСТИ КРАЕВЕДЕНИЯ

- С.Ключев. Памятники и власть1
Е. Неверова. Школьники Архангельска
расширяют знания об истории края3
С.Коваль. Дорога памяти.....4
С.Ключев Архангельская губерния в годы
Первой мировой войны.....5

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

- В. Поташев. «Известия Русского Севера»
как связующая нить».....6

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

- Е. Попов. Памятник градоначальнику7
Северяне в Первой мировой войне9
С.Доморощенин. Память – продолжение
жизни 11

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Г.Лепин. «Лорд Аляски» из Каргополя 19
В. Трофименко. В ожидании Страшного
суда23

ЛЮДИ ЗЕМЛИ ПОМОРСКОЙ

- Н. Теплухина. Высокий, статный
и красивый27
В.Ружников. Три войны (продолжение)29
В.Щипин. Взлеты и падения
эсера Зиновьева 34
В.Меньшиков. Лоц-командиры Общества
архангельских лоцманов.....40
А.Андреева. Хирург и политический деятель..45

ИСТОРИЯ АВИАЦИИ СЕВЕРА

- С.Суровцев. Авиация особого назначения ... 50

НАШИ РЕЦЕНЗИИ

- Т.Овчинникова. Слово о Вере.
В память о Вере Алексеевне Зашихиной54
Л.Варфаломеев. Швеция – Россия:
диалоги о лесах.....55

МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ

- С.Ключев. Почетный отдых
для старых вещей56

ПОДПИСКА

на второе полугодие

2014 года



*Известия
Русского Севера*
ЖУРНАЛ О ЖИЗНИ СЕВЕРНОГО КРАЯ

Подписка для физических лиц* – **440 руб.!**

**Оплата через терминалы Сбербанка
на территории Архангельской области:**

- В терминале Сбербанка в графе «поиск» наберите:
ИНН 2901011474 или название организации
ООО «КИРА»
- Дальше действуйте по инструкции.
- **Не забудьте написать,**
от кого выполнен перевод и адрес
(с указанием почтового индекса),
по которому необходимо доставлять журнал.

Можно производить оплату и другим способом.



Справки: тел. (8182) 655-191



e-mail: klotchev@atnet.ru

* Условия подписки для юридических лиц уточняйте в редакции



ШКОЛЬНИКИ АРХАНГЕЛЬСКА РАСШИРЯЮТ ЗНАНИЯ ОБ ИСТОРИИ КРАЯ

18 сентября в Октябрьской библиотеке № 2, в канун Дня краеведческих знаний, прошел лекторий «Великая война и Архангельский Север» с участием членов общества «Норд».

«Кажется, ни одна война, разразившаяся над Россией в новое время, не была опозорена и оболгана в народном сознании так, как эта, «империалистическая... Ни одна не оказалась так затерта в сознании потомков, как эта...» – этими словами Л. Анненского открыла встречу заведующая библиотекой Неверова Елена Васильевна. Она представила участников лектория, обратила внимание школьников на книжную выставку «Первая мировая».

Профессор САФУ Шубин Сергей Иванович познакомил участников встречи с темами лектория, в котором принимают участие преподаватели САФУ и СГМУ. Фильм о Первой мировой дал общее представление



Учащиеся школы № 1 г.Архангельска
на встрече с краеведами
в Октябрьской библиотеке № 2

о событиях войны 1914–1918 годов. Продолжила разговор доктор исторических наук Трошина Татьяна Игоревна.

Подростки внимательно рассматривали фотографии по теме «Архангельск в годы Первой мировой войны». В выступлении Татьяна Игоревна рассказала о развитии города в военное время как морского порта. В презентации были представлены фотографии из личных архивов архангелогородцев: семейные снимки перед фронтом, фото храбрых молодых офицеров.

Председатель общества «Норд» Ключев Сергей Юльевич рассказал о журнале «Известия Русского Севера» (№ 4 за 2014 год), посвященного событиям забытой великой войны. Эти журналы были предоставлены и участникам лектория.

В конце встречи школьники поблагодарили краеведов и сфотографировались на память.

*Е.Неверова
Фото – Т.Овчинникова*



Слева направо: журналист и писатель С.Н.Доморощенин, председатель ДПКО «Норд» С.Ю.Ключев, профессор САФУ С.И.Шубин, ответственный секретарь журнала «Известия Русского Севера» Т.В.Овчинникова, доктор исторических наук Т.И.Трошина

ДОРОГА ПАМЯТИ



*У некрополя бывшего комсомольского вожака
Володы Булатова*

В жизни каждого из нас есть памятные даты и памятные события. Повторяясь, они формируют традиции. Одна из таких традиций – память о комсомоле и тех, для кого эта организация была дорогой в жизнь. И хотя сегодня уже нет Коммунистического союза молодежи, но живы ветераны, живы или возрождаются многие дела тех лет: поисковая деятельность, сборы-учеба молодежного актива, физкультурный комплекс ГТО и многообразные спортивные, туристические, военно-патриотические игры молодежи, агитбригады,

студенческие строительные отряды, добровольческое движение и т.д.

Единые организационно-оформленные комсомольские организации сменили общественные объединения. Но, как и прежде, успех работы молодежных объединений зависит от тех, кто занимается этой работой, кто является лидером молодежного движения – их в комсомоле называли вожаками, секретарями, активистами, вожатыми.

И хотя в начале 1990-х произошел самороспуск ВЛКСМ, но, начиная с 1998 года, каждые пять лет в Москве проходят республиканские, а в прошлом году и международные встречи, приуроченные к Дню рождения комсомола – 29 октября. В краях, областях, районах России такие встречи приурочиваются к датам создания своих организаций. Для ветеранов комсомола Архангельской области такой датой является 16 сентября – день первого губернского съезда союзов молодежи в далеком 1920 году, так что в 2015 году – наше 95-летие.

И вот уже шесть лет существует традиция, которую мы назвали «Дорога памяти»: утром этого дня собираться на Вологодском кладбище, посетить могилы наших комсомольских товарищей, положить цветы, вспомнить, как комсомол помогал им, говоря современным языком – «делать карьеру», но главное – становиться гражданином и патриотом своей страны.

У многих бывших районных и городских комсомольских организаций (теперь городских и муниципальных образований), у предприятий, университетов и техникумов, правоохранительных и органов безопасности, современных учреждений и служб есть возможность найти в своей истории «комсомольские точки отсчета», обозначить эти даты, провести вечера воспоминаний и встреч с молодежью, добавить новые страницы в летопись комсомольской истории (а вместе с ней – в летопись нашего государства), помнить, что совсем скоро 2017 год – год Октябрьской революции, а в 2018-м – 100-летие комсомола.

«Известия Русского Севера» поддерживают эти проекты и обязательно будут предоставлять свои страницы и воспоминаниям, и информации о юбилейных встречах, и размышлениям о роли и значении молодежной политики, о преемственности поколений, о традициях.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ ГУБЕРНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Так называлась выставка, открывшаяся 26 сентября 2014 года в отреставрированных залах Гостиного двора.

Она продолжает цикл выставочных проектов областного Архангельского краеведческого музея, приуроченных к столетию начала Первой мировой войны. В день открытия выставки посетителей встречала директор краеведческого музея Надежда Николаевна Подоплекина. На пути к залу стояли в почетном карауле морские кадеты, а встречал пригласенный ансамбль трубочай ДМШ № 1 Баренцева региона под руководством Людмилы Борисовны Пановой.

На открытии выставки присутствовали организаторы экспозиции, специалисты, представители общественных организаций. Пришло много и горожан, не равнодушных к истории нашего города.

На выставке впервые были представлены экспонаты и документы из более чем двухсот уникальных музейных предметов из фондов Архангельского краеведческого музея, Емецкого, Каргопольского, Котласского, Устьянского музеев Архангельской области. Есть и эксклюзивные экспонаты из частных коллекций.

Доктор исторических наук А.В. Репневский в своем выступлении на открытии выставки отметил, что об Архангельске вспоминают, когда России трудно – в Северную войну XVIII века, Отечественную войну XIX века, в Первую и Вторую

мировые войны. И город всегда стоял на защите страны. Но хотелось бы, чтобы вспоминали об Архангельске не только в военные годы.

Митрополит Архангельский и Холмогорский Даниил, со своей стороны, благословил экспозицию «Архангельская губерния в годы Первой мировой войны».

Эта выставка, как сообщили нашему корреспонденту в краеведческом музее, будет работать до конца 2017 года.



Экспонаты – свидетели той далекой войны...



Митрополит Архангельский и Холмогорский Даниил осматривает экспозицию

Письмо
в редакцию:

«ИЗВЕСТИЯ РУССКОГО СЕВЕРА» КАК СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

«Здравствуйте, дорогие земляки, – и читатели, и авторы замечательного журнала «Известия Русского Севера», греющего душу человека, оказавшегося волею судьбы за пределами России. Чувствую себя неблагоприятным должником перед дружным коллективом высококвалифицированного, профессионального редакторского состава широко известного не только в России культурно-просветительного и научно-популярного журнала во главе с неутомимым трудолюбивым Сергеем Юльевичем Ключевым.

Немалая роль моего знакомства с журналом принадлежит одному из членов редколлегии, земляку С.И. Шубину, с которым познакомился на 70-летию Лешуконской средней школы, и еще одному замечательному человеку – Почетному гражданину Лешуконского района П.П. Лешуковой. Так наладилось творческое содружество, постоянная связь с малой родиной, а через журнал – и со всем Европейским Севером России.

С великим удовольствием знакомлюсь с тем, как общественные корреспонденты в разных жанрах наполняют малый по формату, но весьма значимый по содержанию журнал своими откровениями, проблемами, радостями, информируют читателя о своих родословиях, а также именитых земляках: ученых, писателях, руководителях различных рангов, замечательных тружениках – северянах, не забывая и о тех, кто по разным причинам оказался вдали от родины, но служащих ей верой и правдой и не теряющих связи с земляками.

Одним из таких патриотов является, несомненно, известный писатель Владимир Владимирович Личутин. Мне повезло познакомиться с ним на приднестровской земле в 2010 году на пленуме Союза писателей России, а затем побывать у именитого писателя в Переделкино под Москвой. Во многом мы оказались единомышленниками и было приятно пополнить свою домашнюю библиотеку дарственными изданиями писателя.

Были и другие встречи с именитыми земляками. Но особенно горжусь знакомством с семьей земляков-лешуконцев – Тамары Ивановны и Николая Евгеньевича Смирновых, с известным летописцем Лешуконой Анатолием Васильевичем Новиковым, с первым председателем Лешуконского землячества в Архангельске Евгением Ивановичем Радюшиным, оказавшимся моим довольно близким родственником.

С благодарностью вспоминаю историка-архивиста, замечательного экскурсовода Татьяну Федоровну Мельник, которая сумела ознакомить с достопримечательностями Архангельска нас с сыном, внуком и племянником во время нашего автокруиза Одесса–Москва–Архангельск–Юрома. Так что связь с родиной живая, да и литературно-историческая не прерывается. В моей библиотеке книги земляков: Ф.А. Абрамова, Н.А. Галева, В.А. Аксенова, В.В. Бронникова, И.Н. Поташева, С.В. Суворцева, П.П. Лешуковой, Ф.И. Поташева, С.И. Шубина и т.д. Не скрываю своей радости от публикаций на страницах «Известий Русского Севера» как моих скромных воспоминаний, так и материалов о моей многолетней жизнедеятельности в СССР, России, Приднестровье, за что выражаю благодарность С.И. Шубину и особенно С.Н. Домошченкову, за творчеством которого внимательно слежу.

Публикации в журнале не остаются незамеченными в Приднестровье, где я живу уже 22 года. Особенно ярко это проявилось в дни моего 85-летия.

Я выражаю искреннюю благодарность всему редакторскому коллективу за внимание к моей скромной персоне, желаю журналу дальнейших творческих успехов, роста тиража, расширения связи с читателями и дальнейшего повышения влияния на общественную жизнь региона.

С глубоким уважением, Вениамин Поташев, Приднестровье

ПАМЯТНИК ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ

ПОПОВ Евгений Иванович – журналист, писатель, член культурно-просветительного общества «Норд»

2 сентября 2014 года на Ильинском кладбище города Архангельска состоялась торжественная церемония открытия мемориала, пожалуй, лучшему градоначальнику Архангельска, фотографу, общественнику и благотворителю Якову Ивановичу Лейцингеру (14 марта 1855 – 2 сентября 1914 гг.)

Яков Иванович родился 18 (30) марта 1855 года в Вологде, в семье швейцарского сыровара, перебравшегося в Россию. Не окончив гимназии, стал учеником фотографа.

Вскоре его призвали в действующую армию на русско-турецкую войну. Отслужив, Лейцингер продолжил свои фотозанятия уже самостоятельно.

В 1881 году он переехал в Архангельск, где в доме на Псковском проспекте (ныне Чумбарова-Лучинского) открыл собственный фотосалон. Вскоре Яков Иванович достиг больших успехов в области фотографии и получил исключительные права на съемки в городе и по всей губернии (в те годы на это требовалось особое разрешение). Именно благодаря многим его работам мы можем сегодня любоваться видами старого Архангельска.

В 1897 году Лейцингера выбрали гласным в городскую Думу, а в 1903 году – городским головой. На этот пост его переизбирали четыре раза – в 1903, 1906, 1909 и 1912 гг.

При Лейцингере доходы в городскую казну увеличились вдвое, активизировалась работа различных попечительских и благотворительных обществ. В городе были проведены большие работы по благоустройству: построены несколько школ, два приемных покоя и амбулатория, проложен водопровод, организовано первое в Российской Империи автобусное сообщение. Именно Яков Иванович



*Правнучка Я.И.Лейцингера
Н.Л. Целикова*

инициировал строительство городской электростанции и проведение трамвайной линии.

Скончался городской голова 2(15) сентября 1914 года в Санкт-Петербурге, где был по делам, связанным с обустройством в Архангельске трамвайной линии.

К сожалению, время не пощадило памяти о легендарном градоначальнике: не все архангелогородцы сейчас знают о нём и его заслугах.

С годами в плачевное состояние пришло и место захоронения четы Лейцингеров, находящееся на Ильинском кладбище Архангельска. Члены добровольного культурно-просветительного общества «Норд» не раз обращали внимание общественности на этот, без преувеличения, постыдный факт. Писал об этом и журнал «Известия Русского Севера» (№ 2–3 за 2010 год).

У городской администрации обустроить могилу Якова Лейцингера просила его правнучка Наталья Львовна Целикова.

Но перезахоронение останков четы Лейцингеров и сооружение нового некрополя было проведено лишь накануне 100-летия со дня смерти Якова Ивановича. Работы на могиле проводил МУП «Спецтрест по обслуживанию населения».

В день открытия памятника действующий мэр Архангельска Виктор Павленко много говорил о заслугах своего великого предшественника и позитивном примере, который он подал всем верным сынам Отечества.

От имени всех многочисленных потомков (у четы Лейцингеров осталось четыре сына и восемь дочерей) легендарного городского головы Архангельска его правнучка Наталья Целикова благодарила город за восстановление могилы выдающегося гражданина.

– Будучи человеком множества талантов, Яков Лейцингер внес большой вклад в развитие огнеборчества в Архангельске. Ещё когда в 1891 году было организовано Вольное пожарное общество, Яков Иванович одним из первых вступил в него, затем 11 лет подряд возглавлял это ведом-

ство, – поделился с собравшимися профессиональным признанием талантов начальник отдела воспитательной работы Главного управления МЧС Андрей Спиридонов. – За пожарные заслуги его даже наградили почетной позолоченной каской.

Затем на могиле супругов Лейцингеров с благословения митрополита Архангельского и Холмогорского Даниила отслужили заупокойную литию.

Будучи глубоко верующим православным христианином, Яков Иванович не раз совершал паломничества в северные монастыри, в частности, Соловецкий и Антониево-Сийский.

До конца жизни являлся старостой городской Михайло-Архангельской церкви.

Сын выходца из швейцарского кантона Гларус, Яков Лейцингер по праву считается одним из самых выдающихся архангелогородцев. Его бескорыстное служение Архангельску, как единственной родине, по заслугам оценили горожане.

Обладая большим кругозором, острым чувством новизны, искренней верой в перспективы северного города, Яков Лейцингер сумел за короткий период преобразовать множество сфер городской жизни.

И вот, после долгих лет забвения, его память в столице Поморья достойно увековечена.



Мэр Архангельска
В.Н.Павленко



Возложение цветов как дань памяти городскому главе
Я.И. Лейцингеру

СЕВЕРЯНЕ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Серьезный импульс работе над проектом придала прошедшая 23 июня 2014 года научно-краеведческая конференция «Северяне в Первой мировой войне». Устроители проекта собрали докладчиков и слушателей в одном из залов Северного (Арктического) федерального университета. Руководили заседанием профессор САФУ Сергей Иванович Шубин и председатель культурно-просветительного общества «Норд» Сергей Юльевич Ключев. В зале присутствовали историки, архивисты и краеведы. К началу конференции был выпущен специальный номер журнала «Известия Русского Севера» (№4 за 2014 г.), который был полностью посвящен событиям Первой мировой войны и участию в них Архангельска.

На конференции прозвучали содержательные доклады доктора исторических наук Сергея Ивановича Шубина «Глобальные интересы воюющих сторон в региональном измерении: взгляд из Архангельска», кандидата исторических наук, заведующей отделом ГАО Татьяна Анатольевны Санакиной «Выпускники Архангельской семинарии на фронтах

I Мировой войны», доктора исторических наук Андрея Александровича Куренышева «Русский революционер-террорист о Первой мировой войне: военные очерки Б.В. Савинкова 1914-1915 гг.», краеведа из Лешуконского района Светланы Николаевны Антоновой «Лешуконцы – участники I Мировой войны» (доклад написан совместно с Я.А. Антоновой и А.А. Антоновым). Кандидат филологических наук Елена Леонидовна Демидова в докладе «Уроженцы Вельского уезда – герои I Мировой войны» на основе конкретного района показала, как у них поставлена работа с жителями по сбору материалов о войне, которая началась сто лет назад.



Во время работы научно-практической конференции



*Ученый и журналист
А. В. Личутин*



Научный сотрудник Приморского музея
народных промыслов и ремесел
О. Горшков

Порадовали и наши местные краеведы. Доклад Владислава Александровича Сметанина «Поручик «военного времени» К.М. Бурсин-Сатановский» раскрыл неизвестные страницы учителя многих наших северных капитанов в годы I Мировой войны.

От «Музея народных промыслов и ремесел Приморья» Приморского района научный сотрудник Олег Горшков представил доклад «Первая мировая и Гражданская войны в судьбах жителей северной деревни (на примере д. Патракеевка)».

Всего на конференции было представлено 26 докладов, рассматривающих проблемы Первой мировой войны, связанные с Архангельском в различных аспектах.

Конференция помогла краеведам более осмысленно строить дальнейшую свою работу, воодушевила их на продолжение исследований и поиск материалов о наших земляках.

Конференция организована ДКПО «Норд» по гранту, предоставленному Министерством по развитию местного самоуправления и внутренней политики Архангельской области.

До начала конференции участники и докладчики были приглашены на пленарное заседание международной научной конференции «Великая война и Европейский Север России (к 100-летию начала Первой мировой войны)», на котором выступил губернатор Архангельской области И.А.Орлов.



В.А. Сметанин



С.Н. Антонова



ПАМЯТЬ – ПРОДОЛЖЕНИЕ ЖИЗНИ

ДОМОРОЩЕНОВ Сергей Николаевич – журналист, писатель, член культурно-просветительного общества “Норд”

30 лет исполнилось Дому памяти в мезенской деревне Сёмжа, созданному писателем Виталием Масловым.

МАЛАЯ РОДИНА – СЕРДЦЕВИНА ОТЕЧЕСТВА

«Да отвратит судьба свой лик суровый от тех, кто в море водит корабли». Еще лет 30 назад этот тост хорошо знали в мезенском Поморье. Теперь даже пожилой человек удивится, услышав его: надо же, как интересно...

«Поморы – древняя народность, представителей которой в мире осталось лишь считанные единицы», – такое прочитал я в Интернете. Поморы, конечно, не народность, а часть народа, люди, обитающие в особых условиях, связанные образом жизни, судьбой с морем. Однако годы «реформ» убавили численность поморов, и книг читать они стали меньше, вот и тост им незнаком, а могли они узнать о нем из романа их земляка В.С. Маслова «Круговая порука».

Владимир Личутин сказал, что «писатель Виталий Маслов рожден обостренной тоской по исчезнувшей деревне Сёмже». Виталий Семенович не совсем соглашался со своим собратом: «Русский писатель немыслим без обостренного чувства родины. Малая родина для каждого из нас – не просто кусочек Отечества, а его сердцевина».

Сёмжу, одно из старинных сел на Севере, начали губить при Н.С. Хрущеве, когда укрупняли колхозы. Потом, при Брежнев, по пла-



В.В.Личутин

ну академика Т.И. Заславской, взялись за «неперспективные деревни» круче, не спросив местных жителей, где они хотят жить – в деревне из нескольких десятков домов, как Сёмжа, или же в большом селе или райцентре. Власти стали свертывать то или иное производство, закрывать школы, фельдшерско-акушерские пункты, магазины, дизельные электростанции. Ну, если была в той кампании экономическая целесообразность, то почему ж так жестоко-то ее проводили? Похоже на раскулачивание: если мешали кулаки Советской власти, то почему же их с детьми надо было везти на Север, где и жилище-то не приготовлено?!

Люди из неперспективных деревень поневоле оставляли любимые места. Тосковали по ним. По-разному, по-своему. К примеру, герой шукшинского рассказа «Выбираю деревню на жительство», про-

хиндей, который каждую субботу, выпив стаканчик водки, приезжал на трамвайчике на железнодорожный вокзал и отводил душу в разговорах о деревне с мужиками, дожидавшимися своего поезда: мол, хочу купить дом в хорошей деревне. «Ты думаешь, я плохо живу?! Я живу, дай бог каждому! У меня двухкомнатная секция, мы только двое со старухой... Но – невоготу больше! Душу выворачивает такая жизнь!.. – Николай Григорьевич в эту минуту, когда кричал в лицо мужику, страдал вполне искренне, бил себя кулаком в грудь, только что не плакал...».

Однако Николай Кузовников вовсе не собирался уезжать в деревню, но и не общаться раз в неделю с деревенскими жителями не мог. Дороги были ему «эти слова про достоинство человеческое и про покой, и нужно, и больно, и сладко было кричать их... Иногда даже замолкали вокруг, а он один – в табачном дыму этом, в запахах – говорил и кричал. Ему искренне сочувствовали, хотели помочь».

Моряку, начальнику радиостанции первого советского ледокола под названием «Ленин», Почётному полярнику СССР Виталию Маслову незачем было приходиться на мурманский вокзал общаться с пассажирами поездов, так как он часто ездил в Сёмжу. А однажды твердо решил, что родную деревню надо возродить, что сил для этого у него хватит.

Почему Маслов взялся за многотрудное дело? В 1985 году, накануне своего пятидесятилетия, он сказал: «Из Сёмжи после начальной школы в пятый класс из всех ребят-одноклассников я поехал один. А ведь было нас немало в четвертом. Они, сверстники, пошли на навагу в Чижу, на Канин. Пешня выше их, а

чтоб не утопить ее, – петёлка от пешни на шею. С наваги – на селедку, с селедки – на сёмужий поплавень. Да надо еще сенокос мимо рта не пронести. А заработки... Кто не хочет забыть, тот помнит. В лучшем случае – за еду работали, да и то порой получалось – в долг.

Вдуматься ведь только – работали в долг. Да добро б – причина всегда объективная... А я поехал. В Каменку, в Ленинград. К счастью, я уже тогда понимал, чем я обязан своим одноклассникам, уже тогда было стыдно перед ними. Долг перед этими ребятами, конечно же, никогда мне не отработать».

Первая масловская публикация состоялась давным-давно – стихи о начале сенокоса 1948 года напечатала мезенская районная газета:

...А сейчас даже не было силы,
Чтобы в карбас вкатить косилку...
Если двое садились в гребни,
Было некому сесть за руль...

Что ж, и ехали. Невеселые.
На руле садили меня
И учили, хвалили и браня
Прямодушной суровой школою:
– Вот, Виталька, растешь, –
Смотри!..

В угоры серые ставим весла,
Идём в первые три покоса:
Тетья Клаша,
За ней – Варвара,
А сзади я – задаю жару...
«Жару задавал» двенадцатилетний мальчик.

Маслов чувствовал долг и перед женщинами, проложившими тот покос на той поздне, которую, как сказал Виталий Семенович, довелось косить и ему, «где бы ни был и чем бы ни занимался. И свернуть нельзя, и схалтурить нельзя: как за

огрехи карали, я написал в «Круговой поруке». И остановиться, пока живой, нельзя».

В писательском дневнике под названием «На костре моего греха» Маслов написал о том, как умели работать сёмжане на пожнях: «...одно из прозвищ, общее для всех сёмжан, было «канунники». Какие «мордасти» против опиума ни придумывали, чем ни грозили, но сёмжане в праздники церковные не работали и при колхозе, даже и в страду. В любой такой праздник с самых дальних покосов, шторм или не шторм, обязательно домой пробиваются. И подтверждение правоты своей видели в том, что обычно, что ни апрель, из других деревень, даже из заморской Сояны, в которой во все праздники люди безвылазно на пожнях трудились, именно в Сёмжу морозными апрельскими, по льдистым хрустальным хрустящим наракуям за сеном кто в долг, кто купить, кто Христа ради ехали...».

ДОМ КАК ПАМЯТНИК

В первую очередь Маслов добился страхования умиравших деревенских домов. И потянулись летом многие его земляки в Сёмжу, звонко застучали там топоры, весело запели пилы. Уже не надо было воровски попадать на сёмженский берег, прячась от пограничников. Хоть и слабо, но начала обновляться деревня, которая еще недавно представляла собой жуткое зрелище: большинство домов разваливалось, чернело, тоскливо глядело на свет божий провалами окон.

А к 1984 году вид Сёмжи стал другим: посмотришь – тут дом вагонкой обшит, там крыша шифером покрыта, здесь крыльцо хозяин сладил новое и здесь...

Это был первый шаг к возрождению Сёмжи. После второго и третьего оно показалось вполне реальным.

В 1982 году Виталий Семенович начал, а через два года открыл в деревне Дом памяти, который получил известность в России – о нем писали многие журналисты, зная, что ничего подобного в стране не было. Потом в Сёмжу приехали арендаторы во главе с жителем поморского села Долгощелье Валерием Нечаевым, взялись за откорм скота. Появились в деревне постоянные жители, и казалось, что Сёмжа воспряла духом, что через какое-то время заживет полнокровной жизнью.

Но, как говорится, пришли другие времена – горбачевско-ельцинские, и Сёмжа ныне – пусть и особенное, но только лишь дачное место, куда летом приезжают десятка три человек из Мезени, мезенского поселка Каменка, из Архангельска и Мурманска.

30 лет назад закончилось в Доме памяти, бывшем пожарном депо, оформление материалов о тех, кто защищал Родину в войнах XX века (начиная с японской), о солдатских матерях и солдатских вдовах.

От депо оставалось одно название: без крыши, без потолка и пола, без крыльца, окон и дверей; передняя стена подгнила и просела. Тут смелости надо было набраться, чтобы взяться за восстановление здания. Но и смелости было бы мало, если б не решительная поддержка и помощь таких людей, как электромеханик Мезенского линейно-технического цеха Геннадий Артемьевич Маслов. Без них и упрямый Виталий Семенович не справился бы с работой. В помощники пошли к нему один за другим, в итоге их стало 97.



Экспозиции Дома памяти в Сёмже

Создавали Дом памяти стар и мал, выходя на субботники. Однажды, когда только вскрылась Мезень, приехали в Сёмжу жители поселка Каменка на открытие охоты. Поднявшись на высокий берег, увидели на одном из домов крохотную масловскую записку: «Давайте отметим День Победы работой на Доме памяти». И все они, 12 человек, пришли к Дому.

Список тех, память о ком решено было увековечить, составлял в первую очередь Виталий Семенович с помощью отца и матери, Семена Виссарионовича и Александры Никифоровны (и отцовский плотницкий и прочий инструмент очень пригодился). Хорошо помогла и рабочая склада Мезенского райрыболовпотребсоюза Мария Артемьевна Дорощеева – изучала документы в районном отделе социального обеспечения, ходила в Мезени по домам земляков, чтобы больше узнать о их родственниках.

Древнерусский стяг, андреевский флаг, флаг СССР – это работа мезенского художника Александра Тярина.

В Доме не было и нет никакого лоска. Всё просто, строго. На белых листах бумаги типографским спо-

собом отпечатаны фамилии дорогих Маслову людей. Однако не только фамилии, а и имена, отчества, что отличило Дом памяти от многих мезенских памятников, где не только фамилии совпадают, но и инициалы, а если совпадают, то кто есть кто?..

Однажды московский коллега, приехавший к Виталию Семеновичу в гости, спросил: «Как только ты тут живешь – развалины и всего десять человек?!». Маслов горячо ответил: «Это для тебя десять. А для меня десять тысяч». Он не очень сильно преувеличивал, так как знал судьбы очень многих сёмжан, о которых рассказал в своих книгах, в частности, в книге очерков «Еще живые». Всех, благополучных и неблагополучных, «трудных» и «легких», старался понять. (И это, что удивительно, при его максималистском отношении к жизни). Заботился и о живых, и о мертвых.

Одним из известных сёмжан был Михаил Дмитриевич Маслов, судоводитель, мореход, которого хорошо знали участники северных экспедиций. Родился он в середине XIX века, прожил целый век. Могила его пришла в запустение – с землей поч-

ти сровнялась, травой заросла. Еще немного – и не найти б ее на сёмженском погосте. В.С. Маслов поставил столбик на могиле – тем самым показал пример землякам, и они тоже стали приводить в порядок места погребения родственников и односельчан.

В семидесятые-восьмидесятые годы я работал в мезенской районной газете. Помню, что однажды пошли по городу осторожные разговоры: «Маслов что-то затеял в своей Сёмже – знает ли райком партии?..».

А потом Виталий Семенович пришел в нашу типографию с просьбой напечатать на листах большого формата имена и отчества, фамилии земляков (каждый лист – в десяти экземплярах. Хотя его закрывали стеклом, а также специальным материалом на зиму, он все равно выгорал, поэтому не лишними стали запасные листы). Маслов рассказал мне, для чего хочет стать заказчиком. И стал им, заказ его мы выполнили.

Много позже я прочитал у Виталия Семеновича, что и Дом памяти он создавал подпольно, и День славянской письменности, у которого ныне всероссийский масштаб, возрождал подпольно. Какой же мощи был этот человек, чтобы делать то необходимое, что властью не приветствовалось!..

Дом, полностью созданный на общественных началах, на пожертвования, – памятник очень многим людям. К примеру, и тем, кто строил пожарное депо (большинство из них стали солдатами и погибли). Стройку вели в начале тридцатых годов за счет средств по самообложению. От нее надо было убирать мусор. Убирали провинившиеся в чем-то подростки. Герман Филатов шалил в избечитальне, газеты на столе смял. Присудили ему уважаемые люди

деревни день отработки. И еще пятеро подростков «попали под суд». И о них в память Дом – ушли воевать шестеро, вернулся один Герман Петрович Филатов, ставший прекрасным лоцманом.

Повезло также Николаю Дмитриевичу Маслову и Дмитрию Ивановичу Филатову – они тоже пришли к родному порогу. Правда, первый – без руки, второй – без ноги. Вдвоем ловили в колхозе селедку. У Николая Дмитриевича ноги – значит, ему сетки тащить сподручнее; у Дмитрия Ивановича – руки, значит, ему легче раздергивать сетки. Работали – не кляня судьбу, радуясь жизни.

Кстати сказать, Сёмжу знали как деревню лоцманов, веками уверенно проводивших суда от флаг-буя (приемного буя) в Мезенский морской порт. Способствовали им в этом буи, бакены, вешки, которых ныне не увидишь ни в Мезенской губе, ни на реке Мезени. Только благодаря опыту и интуиции (навигатор не всегда помощник) капитана вельбота, хозяйина этого судна и героя личутинской «Души неизъяснимой» Александра Игнатъевича Коткина попали в Сёмжу без проблем в августе 2014 года писатель Владимир Личутин, кинорежиссер Клавдия Хорошавина и другие люди, собравшиеся в деревню на тридцатилетие Дома памяти.

А Мезень и Мезенская губа помнят аварии и даже катастрофы на воде, здесь приливы – одни из самых высоких в мире, перепад уровней вод на приемном бую достигает семи с половиной метров, а с нагонным северо-западным ветром – и того больше. Поэтому «кошки» тут бродят: сегодня – здесь, завтра – там, что очень опасно для судоходства. Идет судно в одну сторону, обходя знакомую «кошку» – всё в порядке, а пой-

дет обратно, да заезвается капитан – и обмелится на той же «кошке», которую унесло водой в сторону.

Несколько лет назад Чубайсу – не к ночи бы будь помянут – рассказали о мезенских приливах, о том, что в советское время хотели построить приливную электростанцию, но денег не хватило, и тот, чьим именем называют рыжих котов (за что им такая немилость?), воспламенился: дескать, «совки» не построили, а мы построим. Но очередной проект Чубайса ушел в песок, или в няшу, вязкий ил, что обнажается на реке и в губе при отливе. Ил настолько вязкий, что может засосать человека, – и много смертей было оттого, что кто-то, находясь в няше (к примеру, рюжу проверяя), не увидел вовремя начало прилива.

В 1984 году удивительно было для многих из тех, кто пришел на открытие Дома памяти, что часть экспозиции этого своеобразного музея посвящена участникам Первой мировой войны – в советское время по идеологическим причинам отказались от героев Первой мировой, почти не говорили о войне, которую прежде называли в России Великой и Второй Отечественной. Мало кто в нашей стране знал тогда, что кайзер Германии пообещал своим солдатам: вы вернетесь домой «еще до того, как с деревьев опадут листья». Блицкрига у немцев не получилось, в частности, потому, что у России были такие солдаты, отдавшие за нее жизнь, как сёмжане Александр Евлампиевич Тихонов, Евстафий Поликарпович Широкий и четверо Филатовых – Александр Васильевич, Алексей Петрович, Федор Петрович, Семён Михайлович.

Известный историк Анатолий Уткин был убежден, что подъем духа

в начале войны был искренним. Но корни его оказались недостаточными глубокими. Солдаты, пришедшие воевать из русских деревень, стали искать причины войны, размышлять над тем, за что она ведется. И не находили ответа... Однако продолжали исполнять свой воинский долг. Среди этих воинов были сёмжане Вениамин Виссарионович Маслов (дядя писателя Виталия Маслова), Антип Степанович Филатов (газавый травленный, из плена трижды бежавший, сумевший там выжить), Лаврентий Александрович Маслов, Александр Алимпиевич Маслов, Елизар Алимпиевич Маслов и еще двенадцать их однодеревенцев.

Главнокомандующий войсками Пауль фон Гинденбург в своей статье, написанной во время войны, назвал русскую армию «деятельной и стойкой».

Деятельными и стойкими были и сёмжане.

МЫ НЕ БЕЗРОДНЫ, ЕСЛИ ПАМЯТЬ ЕСТЬ

В единственной комнате Дома памяти рядом со стеной, посвященной погибшим солдатам, – стена памяти солдатских вдов и матерей (на листах указаны и девичьи фамилии). У одной из женщин, Ольги Алексеевны Филатовой, погибли все четверо сыновей. Один – на Гражданской, трое – на Великой Отечественной.

К солдатским вдовам и матерям Виталий Маслов относился с особым почтением, ведь, как он говорил, муж или сын погибали один раз, вдова и мать переживали или переживают эту гибель всю жизнь.

Маслов и его помощники принесли в Дом много разных вещей, инструментов, среди которых самовары, прялки, колодки для обуви, а также, в частности, кибасье (гроз

для сеток), какое было, по форме, у новгородцев в XI веке. «Читал книгу о раскопках в Новгороде, оттуда и узнал о таких кибасах», – пояснял Виталий Семенович.

Маслов собрал книги о Сёмже и ее выселках, сделал картотеку с названиями книг и статей путешественников, исследователей, писателей, журналистов – Лепехина, Шренка, Шереметева, Максимова, Случевского, Гемп и других. Много книг со штампами Сёмженской зверобойной артели, Сёмженского сельского Совета, Сёмженской избы-читальни. За книгами стали приходиться в Дом как в библиотеку.

В 1984 году Дом решили никогда не закрывать. И не закрывают. Он – дело святое, и никто не приходит сюда с плохими помыслами.

– Давно ли, – радовался Маслов, – кое-кто стыдился говорить, что он родом из деревни, тем более – из погибшей. Теперь же люди не стыдятся. Отчасти благодаря Дому памяти, поставленному и оформленному их собственными усилиями. Он – смысловый центр деревни... Когда подростки рассматривают в Доме свое родовое древо, им больше всего нравится слышать на вопрос о пустом квадрате у своей фамилии «Тут пусто – это что?» такой ответ: «Это жена твоя будущая». Человек видит, что он не случаен в этом мире: о его роде думают земляки...

Летом 1989 года ребята насобирали морошки, послали в Мезень несколько ведер на продажу. И не только, чтобы гвоздей для своего клуба купить, в который превратили разрушенное здание бывшей дизельной электростанции, но и на памятник Александру Твардовскому и Василию Теркину в Смоленске, и



*Мемориальная доска на доме-музее
В.С. Маслова*

на реставрацию церкви в мезенской деревне Кимжа. Всё это – ради памяти, а память есть продолжение жизни. Коснись всех или каждого. Горек исход иной.

Тридцатилетие Дома памяти пришлось отмечать без Виталия Семеновича Маслова – он умер 9 декабря 2001 года. Похоронен в Сёмже, куда привезли его из Мурманска. Насколько трудным был его последний путь, мало кто знает.

В Доме собрались юные и взрослые сёмжане, гости из Мезени, Архангельска и Москвы. Внук Виталия Семеновича Глеб читал стихи деда, посвященные сыновьям:

Где б я ни плыл,
я верил в возвращение.
И счастлив тот,
кто к старости сумел
в том устье встать,
где принимал крещение.
Всё может быть –
пустеть наш край и цвезть,
Но даже если заросли погосты, –
Есть к ним тропа –
и в мире мы не гости,
И не безродны, если память есть.

Сёмжане и гости сходили на могилы Маслова и его родителей, в Дом памяти, в дом-музей Виталия Семеновича, обустроенный стараниями

ми его вдовы Валентины Устиновны. Думается, сёмжане запомнили слова Владимира Личутина: «Виталий Маслов – выдающийся русский человек. Ратоборец. Необыкновенная душа. А душа человеческая – основа бытия нации. Есть книга о Маслове. Да не одну можно сделать книгу о нем, который говорил о величии русского народа. В натуре Маслова были аввакумовские черты...».

Обсуждены были в Сёмже проблемы деревни и возможности их решения. Заместитель главы администрации Мезени (Сёмжа входит в состав этого муниципального образования) Екатерина Михайловна Аннюк, похоже, убедила сёмжан, что им необходим ТОС. Будет этот территориальный орган самоуправления (тот же прежний деревенский мир) – можно будет взяться за организацию рыбопромыслового участка, чтобы, не боясь рыбинспекторов и пограничников, ловить семгу. Жить человеку у моря, быть воспитанным промысловиками, генетически хотеть красной рыбы – и не сметь выловить рыбину без опасения

подорвать запас семги, – да с ума же можно сойти!..

Приезжал в Сёмжу и председатель ассоциации мезенских предпринимателей Михайл Золотых. Он сходу деловое

соображение: «Можно будет ловить здесь рыбу – можно будет ее коптить».

У Виталия Семеновича Маслова есть последователи – люди, которые хранят память о достойном прошлом мезенского края. Журналист Николай Окулов ставит памятные кресты. Художник Александр Тярин графически сопровождает роман Владимира Личутина «Раскол». Руководитель мезенского отделения Географического общества России, мастер на все руки Олег Коткин, участвуя в восстановлении мезенского храма, делал маковку мезенской колокольни и крест. Депутат райсовета Лидия Сопочкина ведет в поселке Каменка литературную гостиную; благодаря ей каменцы лучше понимают значение творчества и общественной деятельности Маслова.

«Не может русский
Родину забыть,
Пока не перестанет
русским быть...».

Это тоже написал Виталий Маслов.

Надо еще добавить, что ему провиделось будущее Сёмжи в той же мере, в какой провидится будущее России. Поживем – узнаем судьбу Сёмжи. А в том же Мезенском районе есть яркий пример возрождения: упоминавшаяся здесь Сояна тоже числилась в неперспективных, но пришел новый председатель, Николай Николаевич Клеопин, и деревня расцвела. Повсюду в России нужен свой герой. Будет ли он в Сёмже? Один был. Даже если не появится второй, деревня-то не погибла. Благодаря Маслову.

Кстати сказать, ныне в Сёмже строят три дома. А старые, даже плохонькие, никто не продает ни за какие деньги.

Фото автора и Н. Окулова



Лиственничный крест
на могиле
Виталия Маслова

«ЛОРД АЛЯСКИ» ИЗ КАРГОПОЛЯ

ЛЕПИН Геннадий Афанасьевич – действительный член
Русского географического общества

В «Комсомольской правде» 12 октября 1991 года известный журналист, писатель и путешественник Василий Михайлович Песков опубликовал статью «Сказание о Баранове», которую он потом включил в свою книгу «Аляска больше, чем вы думаете».

Александр Андреевич Баранов – «Самая яркая личность в истории Аляски» – такими словами он охарактеризовал его¹. Позднее, в 1996 году появился исторический роман Аркадия Ивановича Кудри «Правитель Аляски», в которой автор рассказывает об А.А. Баранове с большой симпатией и любовью.

Баранов стал не только частью истории русского освоения Дальнего Востока и Америки, но и частью истории США, истории русско-американских отношений. Москвич Борис Георгиевич Иванов, побывавший в 1988 году на Аляске, рассказывает: «Я сам убедился, насколько популярно на Аляске имя Баранова. Его имя носят огромный остров, река, озеро, отели, а в Ситке (бывшем Ново-Архангельске, основанном А.А. Барановым) оно видно почти всюду: улица, школа, мемориальный холм, торговая фирма, магазин – везде Баранов, Баранов, Баранов!»².

«Барановский» период был наиболее блестящим в истории русской Америки, он ознаменовался значительным расширением ее владений, торговых связей, укреплением экономического благосостояния Российско-Американской компании.

Настоящим первооткрывателем и создателем русской Америки был Григорий Иванович Шелехов. Купец, уроженец города Рыльска Курской губернии, Шелехов переселился в Сибирь, где разбогател на мехоторговле.

Начиная с 1773 года, 26-летний

Шелехов стал самостоятельно отправлять корабли на морской промысел.

В августе 1784 года, в ходе своей главной экспедиции, на трех кораблях он достиг острова Кадьяк, где стал строить поселение. Именно благодаря энергии и дальновидности Шелехова в этих новых краях было заложено основание русских владений.

В 1784–1786 гг. Г.И. Шелехов начал также строить еще два укрепленных поселения в Америке. Составленные им планы включали ровные улицы, школы, библиотеки, парки. Вернувшись в европейскую Россию, Шелехов выдвигал предложение о начале массового переселения русских в новые земли.

При этом Шелехов не состоял на государственной службе. Он оставался купцом, промышленником, предпринимателем, действовавшим с разрешения правительства. Сам Шелехов, однако, отличался замечательным государственным умом, прекрасно понимая возможности России в этом регионе.

Не менее важным было и то, что Шелехов прекрасно разбирался в



А.А. Баранов

людях и собрал команду единомышленников, которые и создали Русскую Америку.

До 1786 года Шелехов был успешным торговцем пушниной на Алеутских землях, но его пушной империи требовались и другие способные руководители. Одного такого помощника он увидел в Александре Андреевиче Баранове – купце из старинного города Каргополя, переселившимся с деловыми целями в Сибирь. В 1791 году он, как оказалось, навсегда, прибыл на Аляску. 43-летний (то есть уже немолодой по тем временам) Александр Баранов был назначен главным управляющим на острове Кадьяк. Баранов был на грани банкротства, когда Шелехов взял его себе в помощники, угадав в нём исключительные качества: воля, предприимчивость, настойчивость, твёрдость, организаторские способности. Обладал Баранов и удивительным для предпринимателя бескорыстием – управляя

около трех десятилетий русской Америкой, контролируя многомиллионные суммы, обеспечивая высокие прибыли акционерам Русско-Американской компании, он не оставил себе никакого состояния!

Баранов перенес представительство компании в новый, основанный им на севере острова Кадьяк город Павловская Гавань. Сейчас Павловск (Pavlovsk) – главный город острова Кадьяк.

Именно Баранов основал на Аляске целый ряд русских поселений, в том числе и Новоархангельск (современный город Ситка). Под руководством Александра Баранова Русско-Американская компания значительно расширила сферу своих интересов, был построен форт Росс в Калифорнии, установлены торговые связи с Гавайями.

В 1824 году Россией были подписаны договоры с правительством США и Англией, которыми были на государственном уровне определены границы русских владений в Северной Америке.

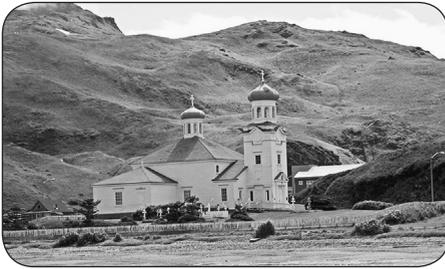
Русская православная церковь вела очень активную миссионерскую работу с коренными жителями. И сегодня процент православных христиан среди населения Аляски очень высок.

Перед Барановым стояли определенные и очень нелегкие задачи. Основными из них были организация пушного промысла и контроль за ним. Ведь именно добыча ценной пушнины (прежде всего калана) была главным стимулом колонизации русскими промышленниками Северо-Западной Америки. «Русские колонии держались в основном на принудительном труде туземцев.

Для добычи морских бобров (так называли русские калана)



Русская Америка на карте 1860 года



Православная церковь Вознесения Господня
в Уналашке

создавались байдарочные партии из алеутов, превосходных охотников, под руководством русских начальников партий – байдарщиков. Кроме того, посредством использования труда алеутов и эскимосов добывалось местное продовольствие (мясо и жир китов и других морских животных, рыба, съедобные коренья, ягоды).

Не мог правитель Аляски даровать туземцам их прежней «вольности», как того требовали миссионеры, члены первой русской православной миссии, прибывшие на Аляску в 1794 году для обращения местного населения в христианскую веру, поскольку само существование русских колоний оказалось бы под большим вопросом³. Нужно было осваивать и заселять эту суровую землю, строить крепости и корабли, заниматься огородничеством и скотоводством, развивать торговлю, вести финансы, открывать церкви и школы...

Железная дисциплина, которую он установил в колониях, была осознанной необходимостью, потому что действовать Баранову приходилось в крайне тяжелой и сложной обстановке. Баранов не был жестоким по натуре человеком, он был жестким, волевым, суровым и требовательным начальником, но «человек иного склада и не смог бы удержать в своем повиновении ту пеструю рать из бывалых матросов, ссыльных, отчаянных и

беспутных северных промышленников, которые и составляли основное население русской Америки»⁴.

Главное правление Русско-Американской компании не очень-то спешило оказать поддержку колониям, поэтому они испытывали хронический недостаток в продовольствии. Самую острую нужду люди испытывали в хлебе, который, несмотря на все старания, в колониях не вызревал.

«На рубеже XIX века русские встретились с сильным противодействием чрезвычайно воинственных индейских племен, готовых воевать без всякой причины – просто ради войны.

Кроме того, продвижение русских стало уже наталкиваться на конкуренцию английских торговцев, которые выменивали у индейцев бобровые шкуры, снабжали индейцев ружьями и даже пушками, продавали ром и другие спиртные напитки, что было запрещено в торговле с аборигенами в Русской Америке, а также подстрекали индейцев к выступлениям против русских»⁵.

Так, в 1802 году индейцы – тлинкиты, подстрекаемые и вооруженные американскими торговцами, напали на Михайловскую крепость на острове Ситка, убили всех живших в крепости русских и алеутов, подвергнув многих из них перед смертью мучительным пыткам; разграбили компанейские склады с пушниной, сожгли крепость и строившееся судно. А ведь Баранов обосновался на о. Ситка с разрешения индейских вождей (тойонов).

Правитель настойчиво предупреждал своих помощников и всех промышленников, чтобы они соблюдали предельную деликатность по отношению к колошам (так русские называли индейцев), охраняли всемерно мир с ними, не раздражали их и не оскорбляли, ничего не брали без платы...

Английский мореплаватель Джордж Ванкувер, исследовавший Тихоокеанское побережье Северной Америки в 1790–1795 годах, отмечает: «Я с чувством приятного удивления видел спокойствие и доброе согласие, в каком живут русские между самыми грубыми сыновьями природы. Покорив их под свою власть, они удерживают влияние над ними не страхом победителей, но, напротив того, приобретая любовь их благосклонным обращением... Русские находятся на весьма дружественной ноге со всеми жителями края»⁷. Вообще русские оставили о себе добрую память, именно благодаря уважению к самобытной культуре алеутов, эскимосов и индейцев, отношению к ним как к равным себе народам.

А.А. Баранов разработал образовательную программу для местных детей, креолов, у которых отцы были русские, а матери – из коренного населения (алеутки, индейки, эскимоски). Осуществлял общее образование и подготовку мастеровых различных профессий, мореходов и судовых механиков из туземных детей и креолов. Их обучали не только на островах, но и в Охотске, Якутске, Иркутске и Санкт-Петербурге.

А.А. Баранов считал, что служит не только Компании, но и Отечеству. Только при этой высокой цели оправдывались все те невероятные усилия и лишения, которые он терпел тут с горсткой колонистов. В гимне, сочиненном Барановым, есть такие строчки:

Здесь хоть дика кажется природа,
Кровожадна привычка народа,
Но выгоды важны, Отечеству нужны
Сносными делают скуку и труд⁸.

Американец русского происхождения Виктор Петров в книге «Русские в истории Америки» добавляет: «Не будь Баранова, не было бы и Русской Америки, и неизвестно, смогли ли бы русские удержаться на Аляске»⁹.



Памятник Александру Баранову,
Аляска, Ситха

За выдающийся вклад в развитие заморских колоний Российской империи Баранова называли «Лордом Аляски».

В Каргополе – малой родине, набережной дали имя Баранова и поставили здесь памятную стелу с барельефом и надписью: «Александру Баранову – основателю русских поселений на Аляске, исследователю Русской Америки, 1790-1818». Здесь же – контуры карты, на которой можно разглядеть и Каргополь, и Ситку (прежний Ново-Архангельск).

Список литературы:

1. Песков В.М. Аляска больше, чем вы думаете. М., 1994. С.141.
2. Иванов Б. Именем земляка // Коммунист. 1989, 25 мая.
3. Гринев Андрей. Правитель Русской Америки // Былое, 1996. № 12.
4. Кудря А. Правитель Аляски. М., 1996. С.166-167.
5. Русская Америка: По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. М., 1994. С.13.11.
7. Песков В.М. Аляска больше, чем вы думаете. М., 1994. С.143.
8. Русская Америка в «Записках» Кирилла Хлебникова. М., 1985. С.222.
9. Песков В.М. Аляска больше, чем вы думаете. М., 1994. С.70.

В ОЖИДАНИИ СТРАШНОГО СУДА

ТРОФИМЕНКО Василий Георгиевич – историк-архивист,
член Архангельского отделения РОИА

**Как понять и представить себе ход мысли человека, жившего сто-
двести лет тому назад? Трудно это, почти невероятно, если учесть, что
даже и современников своих мы понять порою не в силах. Разный возраст
и жизненный опыт, убеждения, воспитание и образование – вот те невидимые стены, разделяющие людей. Как гласит народная мудрость: «Чужая душа – потёмки». Как же постичь образ мыслей человека, давно оставившего наш мир и жившего в то время, которое не застали и старейшие из живущих сегодня? Ответ прост – обратиться к архивам.**

Любая бумага, даже самая «сухая» и канцелярская, несет на себе отпечаток мысли того, кто ее составлял. Однако наиболее ценной для понимания внутреннего мира автора является личная переписка. Именно в письмах наиболее полно отражается и мировоззрение, и позиция человека по тому или иному вопросу. Не случайно в собрания сочинений выдающихся политиков, писателей и учёных часто включают, вместе с их трудами, и переписку с коллегами, родственниками и друзьями. Реконструировать личность человека без этих писем было бы затруднительно.

Но то письма «великих». Редко слу-

чается найти в архивах личное письмо простого человека, да ещё глубоко отражающее его внутренний мир. Простые люди архивов не собирали, а если и скапливались за их жизнь письма, то потомки, не видя в них особой ценности, рвали или сжигали. Ветер разносил по свету обрывки чужих мыслей, надежд и планов, стирая из коллективной памяти человечества страницы ещё одной жизни.

Но всё же отдельные письма сохранились и об одном из них можно, как нам кажется, поведать нашим читателям. Письмо это отложилось в документах фонда Комиссии по делам раскола Архангельской епархии. Его автором был бывший сотрудник православной миссии в Архангельской епархии Федор Петрович Кузьмин, адресатом – епископ Нафанаил. Датировано оно 11 февраля 1897 года.

Сам автор называет данное письмо «ответом о раскольниках», который епископ велел ему дать «со стороны его рассмотрения». Очевидно, между автором и адресатом имела место некая предварительная беседа, в ходе которой епископ интересовался мнением Кузьмина о старообрядческих учениях и особенностях различных



Архивохранилище в башне Гостиных дворов

направлений старообрядчества в подведомственной ему епархии. Кузьмин происходил из старообрядческой среды и знал обстановку «изнутри».

В письме можно проследить три основные темы, волнующие автора в разной степени. Первая – непосредственно сообщение о старообрядческих толках с краткой исторической справкой о расколах в христианской церкви. Вторая – личный конфликт автора с адресатом, вызванный отсутствием финансирования сотрудника миссии со стороны епархии. Третья – эсхатологические предсказания, основой которых является последняя книга Библии – «Откровение Иоанна Богослова», известная также как «Апокалипсис».

Автор не только комментирует «Апокалипсис», но и снабжает текст письма красочными и хорошо выполненными иллюстрациями. Для Кузьмина события «Апокалипсиса» – вполне реальное описание того, что либо уже происходит на его глазах, либо ожидается в скором будущем. Автор излагает свои личные религиозные взгляды, которые являются чем-то средним между воззрениями старообрядцев (которым Кузьмин симпатизирует) и официальной позицией государственной церкви.

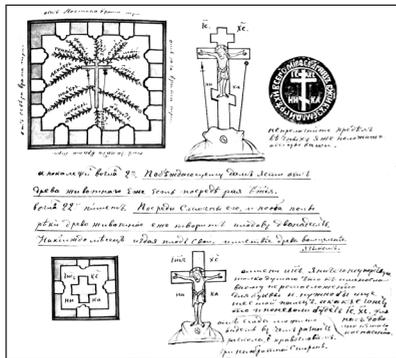
Вера Федора Кузьмина – это вера русского крестьянина, который сопри-

коснулся с книжной учёностью и воспринял её по-своему. Талантливый человек с богатым внутренним миром, наполненным яркими образами, стремится связать свои представления с реальным окружающим его миром, найти подтверждение каждому своему слову в Священном Писании и творениях отцов церкви.

Первоначально автор, очевидно, стремится придерживаться главной темы письма – «ответа о раскольниках». Начинает он, однако, из глубины веков, упоминая о первом расколе в церкви, в котором был, по его мнению, римский папа. Раскол произошел, по версии Кузьмина, «по тысячном лете от рождения христового» и «раздрал единство и союз на христианство и антихристианство». Имеется в виду разделение христианской церкви на католическую и православную, завершившееся в 1054 году.

Далее Кузьмин говорит о втором разделении, которое «случилось в малой России, по тысяче в 595 лето» (уния части православных с католической церковью). «Третий напор зла» пришелся на великую Россию в 1666 году (утверждение реформ патриарха Никона). Последствием «третьего напора» в России начался раскол, «и не только раскол, но и ереси».

Кроме этих ересей, по мнению Кузьмина, начались и «волшебные овороты»



Письмо Федора Кузьмина епископу Нафанилу

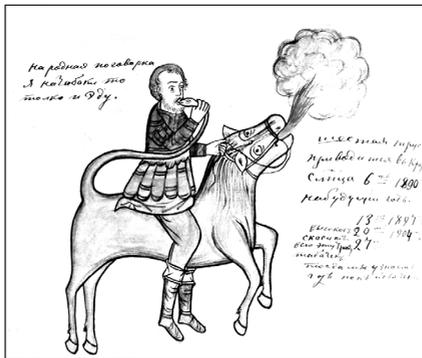
(оборотни) «претворившиеся в подобие бессловесного скота и зверей». Автор письма стремится рассмотреть и причины раскола. Он видит социальную причину в качестве основной. Она была в том, что «тогда люди духовные были на стороне сильной, с царем. На другой были малосильные без царя и властной защиты». Главную причину отторжения новой, утвержденной царем, церкви Кузьмин видит в четвероконечном кресте, заменившем восьмиконечный. Новый крест старообрядцы приняли за «печать антихристову». Такое мнение Кузьмин находит несправедливым, но не считает восьмиконечный и четырехконечный крест равнозначными символами. В доказательство он предлагает рисунок, на котором восьмиконечный крест уподобляется древу жизни, стоящему в центре «Небесного Иерусалима», от креста-древа тянутся ветви ко всем двенадцати воротам города. На ветвях написаны названия двенадцати месяцев.

Далее Кузьмин высказывается по поводу имени Иисуса Христа. Догматический спор между старообрядцами и православными о правильности написания имени Господа он решает со свойственной ему простотой – «я ничего не упорствую, только думаю, что к именованному перстосложению для буквы «и» нужно бы

ещё шестой палец, а как его нет, то и по неволе будет «Іс Хс», для нас довольно и этого ко спасению».

Увлечшись, Кузьмин переходит к рассуждению о событиях «Апокалипсиса», как вдруг, очевидно вспомнив о нерешенном деле, приписывает на полях письма, против места, где упоминается избиение верных христиан: «Я знаю про себя, когда мне нужно говеть, только отдайте деньги заслуженные. Когда не давайте денег, то хоть бы послали душу мою к Богу, тогда бы хоть кровь моя была на вас и на чадах ваших». Так возникает вторая тема – из этого и нескольких других отступлений в тексте письма видно, что епископ не оплатил работу Кузьмина, в то время как другие члены миссии получили свой заработок. По оговоркам Кузьмина понятна и причина удержания средств – автор письма вел не самую достойную для христианина жизнь, имел пристрастие к алкогольным напиткам. Но, по мнению самого Кузьмина, это обстоятельство к делу не относится – ведь он выполнил свою часть работы.

Возвращаясь к теме раскола, Кузьмин пишет, что причина, породившая раскол в России «есть ни что иное, как злобный напор на обессилевших людей со стороны властей». Из своих рассуждений автор делает вывод, что главный враг православия – не те, кто считается раскольником и придерживается своих религиозных убеждений. Главный враг – безразличное большинство есть в православии крещеных только в церкви, но от рождения и до смерти в старых годах не исполняющих никогда христианского долга... Это, по моему мнению, не есть раскольники, а какие-то изверги из православ-



Иллюстрации в письме Федора Кузьмина епископу Нафанаилу

ной религии. Подобно тому как недоношенные женщиной выкидыши, родившиеся крещением, а не ожили причастием».

В этих словах есть определенная логика – если крещеный человек не поступает по-христиански, то следует ли его вообще считать христианином? Старобрядец, по крайней мере, верует в Бога, пусть по-своему, но верит в свою сопричастность с истинной церковью. А это «многое множество» фиктивных христиан не верят ни во что.

Но не эту мысль развивает Федор Кузьмин в продолжение своего письма. От истинных проблем церкви он вновь устремляется к мистицизму «Апокалипсиса». На страницах письма появляются некие «скотоподобные чудовища», «пруги» как их называет автор. Своё описание он снабжает рисунком фантастического существа с головой человека, длинными волосами, и короной, крыльями летучей мыши, конскими копытами и хвостом скорпиона.

Кузьмин дает ссылку на пятую трубу из девятой главы «Откровения», снабжая рисунок подписями, похожими на результаты каких-то астрологических вычислений о времени наступления этого бедствия. Еще более странным кажется вывод, который делает автор из своих вычислений: «При конце мира это исполнится на американцев, ибо они в студенце бездны под нами, а выйдут на здешнюю сторону войной. Едва ли их восстание не будет и в этом году военное с кем-нибудь. Над ними царь на здешней стороне Авадон, аггел бездны. Это воинство указывает Гога и Магога, ибо они загнанные царем Александром Македонским из пределов Китайской империи, где ныне носят китайцы женские волосы».

В сознании крестьянина-миссионера смешалась вся информация, которую он когда-либо слышал о внешнем

мире: мифические Гог и Магог, древний царь-воин Александр Македонский, библейские образы и новости, услышанные в архангельском порту от заезжих моряков. Он не был уверен в том, что из этого правда, а что вымысел, но в его сознании твердо сидела мысль о том, что всё в мире взаимосвязано. А раз так – то он связал все отдалённо известные ему понятия и явления, находящиеся где-то на периферии обитаемого мира, далеко за пределами православного отечества. Но прикрепить их к действительной реальности ему было совершенно не по силам, так что он прикрепил их к «реальности Апокалипсиса», куда более понятной, нежели стремительно меняющийся мир за окном.

Федор Петрович Кузьмин предстаёт перед нами как человек, глубоко переживавший драму русского раскола. Он сам, судя по письму, находится в состоянии глубокого внутреннего раскола. С одной стороны, как трезво мыслящий русский крестьянин, он осознаёт, что причины раскола кроются не в религиозной, а в социальной плоскости – насилии власть имущих над своим народом. С другой, как человек искренне верующий, он не в состоянии отойти от религиозного мистицизма с его символами и эстетикой. Кузьмин жил в ожидании Страшного суда, но, при этом не мог простить епископу того, что тот не выдал ему жалования. Вера в скорое воздаяние по заслугам в Новом Иерусалиме сочеталась с желанием получить заслуженное ещё в брэнном мире.

Письмо Кузьмина епископу Нафанаилу – это яркий психологический портрет, отпечаток души человека, сохранившийся до наших дней благодаря труду архивистов. И теперь мы можем представить себе духовный мир северного русского крестьянина, каким он был чуть более века тому назад.

ВЫСОКИЙ, СТАТНЫЙ И КРАСИВЫЙ**ТЕПЛУХИНА Надежда Алексеевна – самобытная поэтесса (Няндомы)****ИСТОКИ**

За перевалом прожитых лет остается память, которая наше бытие в былях и легендах. Ибо каждая человеческая жизнь – это как бы написанная книга самим живущим. Из уст в уста она передается в наследство потомкам, которые листают ее незримые страницы.

Я мысленно ловлю тот далекий мамин образ ее детства, когда она еще босоногой девчонкой бегала по широким лугам своей малой родины – Сельцо.

Вижу ее отца – моего будущего деда – сталинского ударника, участника Первой мировой войны – Шихова Ивана Федоровича. Высокого, плечистого, крепкого. Такими же будет его сыновья: Михаил и Василий.

Кроткую, добрую и трудолюбивую бабушку Дарью Семеновну.

И тетушку Анну, мамину сестру, которая умрет в девичестве в Канда-лакше от тифа и ее могила будет вечно безымянной...

Мой прадед Федор Федорович жил в Питере на заработках и умер от рака. Его старший сын – мой дед Иван сильно горевал.

Их у отца было четверо: он, братья Федор и Ульянов, сестра Екатерина. И поэтому моему деду рано пришлось жениться – в 18 лет, от того-то и убежал он в поле, клеймя свою судьбинуску. Научился шить сапоги, почи-нять обувь.

Двор был напололам с братом отца дяди. Мать деда, Анастасия Дмитриевна, работала на буксирных пароходах рабочей.



Русские пленные в Германии. Надпись:
«Насилие над пленными в культурной стране 14–17 гг.»

Жена деда управлялась по хозяйству.

Но как гром среди бела дня грянул 1914-й год. Ушел Шихов Иван Федорович на войну рядовым солдатом.

ПЛЕН

Как жаль, что записи так коротки. Но и уцелевшее дорого сердцу, все, что успела записать из маминых воспоминаний. Дед был шесть лет в плену. Сперва сидел в одиночных камерах. Еда – мерзлая картошка с селедкой, пить не давали.

Но в плену дед выучился грамоте. Три года жил у хозяина, обряжался со скотиною (быки, свиньи, гуси). Хотели женить, но в России уже была жена и трое детей.

Мать деда пошла служить за упокой молебну. Через три года пришла весть об освобождении.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

За соль и спички везли на почтовых тройках. Так добирался он до родимых мест.

Его дочь Анна уже бегала по полу. В дом дед сразу не зашел, а сперва заглянул в окошко и подумал: «Мои ли это ребята?». Потом заколотился в дверь. Анна подбежала к окну: «Какой-то дяденька идет». Бабушка в ответ: «Отец пришел». Ребята перепугались, ведь шесть лет не было того дома. Но сыновья Василий и Михаил помнили отца. Тот привез немецких сигарет (угощал мужиков), иголки швейные, щетку – чистить одежду, зеркальце, эмалированное ведро. Бабушка чудно было (о грешешке): умоется дед, причешется. Усы были богатые. Библию привез из плена. В плену ее читал 5–6 раз, чуть с ума не сошел.

Грамота была небольшая у деда, но по тем временам стоила немало. Сперва был бригадиром: распределял людей на работу, вычислял трудодни, по которым давали хлеб, зерно, картошку, овощи. Был председателем колхоза «Путь Ильича» Селецкого сельсовета. Был сталинским ударником, ездил на слет сталинских ударников в Березник. Свободно разговаривал на немецком языке.

Мама родилась после возвращения из плена деда. Братья дразнили: «Тебя отец из Германии в мешке привез». По натуре дед был угрюм – как словом, так и делом. Народ побаивался его, но уважал: «Вон Иван Федорович идет».

Выписывал «Крестьянскую правду». Инвентарь по хозяйству заводил сам: косы, серпы, вилы, лопаты, грабли, ушаты. Купил зингеровскую машинку за пять пудов ржи.

До сих пор она в нашей семье и шьет хорошо. Работал он и сеяльщиком, из лукошка горстями сеял хлеб. Даже на обед не ходил. Поля были большие, да и не каждый мог вручную сеять. Сыновья учились в церковно-приходской школе. Но когда вырос-



*Русские солдаты в германском плену.
На обороте фото надпись: «В Архангельскую
губернию Наталье Дмитриевне Шиховой.
Мой адрес: Германия (далее неразборчиво),
Иван Федорович Шихов*

ли, взяли хватку отца. В коллективизацию братья работали председателями сельсовета. Кулачье ловили Михаила в Заостровье в темные ночи, хотели вздернуть. Он ездил на жеребце с нагайкой-ременкой, был крут в седле.

Когда дед пришел с войны, жили одиночно. Вороняя лошадь была и две коровы – середняки.

Сначала была коммуна (в Троице), первые пошли в колхоз. Отдали Буренку, лошадь-кобылу Воронуху и годовалого теленка. Председателем сельсовета в то время был Василий, который был комсомольцем. В армию тогда брали в 21 год. И поэтому Василий работал в сельсовете, ему было 18 лет. Но совета просил у директора начальной школы Лукошкова.

ПОСКРИПТУМ

Дед умирал от рака. Заставил бабушку сшить ему саван. Славы не требовал: «Пусть похоронят скромно».

Хоронили в валенках. Шутил: «Так лучше, не буду бегать с Орлова мыса» (так назывался погост). Когда хоронили, народу было много, все старались проводить в последний путь. Ему было тогда 52 года. На дворе стоял 1937 год, 27 декабря.

ТРИ ВОЙНЫ Из воспоминаний моего отца

РУЖНИКОВ Виктор Егорович – краевед (Мезень)

(Окончание. Начало в №№ 4, 5/2014)

В ВОЕННОМ ТЫЛУ

После обеда был объявлен сбор, и полк выступил. Ночевали в поле, у стогов соломы. Утром 8 августа была подана команда «Становись!», приехал командир полка, поздоровался и командовал: «Шагом марш!». Заиграла музыка, и полк двинулся дальше. День был жаркий, безветренный. Пыль, поднятая солдатами, как облако, висела над колонной, забивалась в нос, попадала в глаза, только команда музыкантов виднелась иногда на подъёме.

Сзади шли обоз с продуктами, кухня, пулемётная команда. Проходя мимо одного леска, мы видели, что солдаты чистят и собирают пулемёты, а когда мы прошли, стали их устанавливать. Но на это никто не обратил особого внимания, так как время шло к полудню, и все ждали привала.

Стали спускаться в лощину и увидели всадников, скачущих в нашу сторону галопом. Оказалось, это была наша разведка, которую не пропустили дальше казаки. Начальник разведки доложил полковнику, что полк окружён. Спереди и сзади на шоссе уже стояли броневики. Справа на железнодорожной насыпи были видны винтовки лежащих пехотных цепей. Слева видна кавалерия.

Командир полка был вызван к броневикам и, вернувшись, сообщил, что полк окружён, приказано сдать оружие, иначе откроют огонь. На размышление дано 20 минут. Солдаты забеспокоились. Некоторые предлагали дать бой.

Но полковник Крейтон сообщил, что наша позиция очень невыгодная, и к тому же у нас нет артиллерии. После некоторого раздумья солдаты решили сдать оружие. Винтовки были уложены в кучу, солдаты строились во взводные колонны.

Когда всё оружие было сложено, командир полка выехал вперёд на лошади, и мы пошли за ним навстречу неизвестности, затаив в себе злобу и позор.

Пройдя две лощины, остановились. Всех офицеров пригласили на совещание в домик с верандой, что был слева от шоссе. Молодые офицеры отказались идти на совещание, заявив, что умрут вместе с солдатами. Совещание длилось недолго.

И вот видим: группа офицеров во главе с командиром 6-й казачьей дивизии генералом Бородиным и комиссаром Юго-Западного фронта Сургучёвым направляется в нашу сторону. Генерал махнул рукой в сторону солдат: расстрелять всех.

Первым на состоявшемся митинге выступил генерал Сургучёв, который обозвал всех солдат разбойниками, способными только убивать и грабить. Чтобы искупить свою вину, сказал он, нужно назвать тех, кто убил Быкова и Колобова.

Все шеренги молчали. Выступил ещё один человек, как нам сказали, от рабочих Киева. Затем выступил генерал Бородин. Он сказал, что солдаты должны выдать убийц, что через 25 минут, если они не будут выданы, по

нам будет открыт огонь. Солдатская масса волновалась, но никто не просил о пощаде.

Я видел, как плакали пожилые солдаты, прошедшие по четыре года в окопах. Все стали ложиться кучами, чтобы дать проходы лошадям, которые бродили среди солдат. Мы с Глебом тоже легли на землю, обнявшись. К нам легло ещё двое, на них трое поперёк, потом ещё трое в третий ряд. Образовалась клетка из людей.

Ровно через 25 минут прогремел первый выстрел из орудия. Снаряд взорвался в воздухе. Солдаты закричали: «Высокий разрыв! Стреляйте, палачи, не пугайте нас, мы в окопах не это видели!» После нескольких выстрелов ранило многих лошадей, и они заматались среди куч, потом послышались крики и стоны раненых, проклятья в адрес палачей.

Обстрел неожиданно прекратился. Оказалось, что генерал Бородин подозвал полковника Крейтона и спросил: «Каково, по-вашему, будет поражение, если дать снаряд на удар?» Полковник посмотрел в бинокль и ответил: «Человек двести». Генерал через адъютанта передал на батарею приказ – дать два снаряда на удар в группу. Командир батареи передал приказ наводчику, но тот отказался стрелять. Офицер сообщил по телефону об этом генералу.

Нам была подана команда строиться. Взводные командиры получили распоряжение вывести из сферы огня благонадёжных солдат, а остальных оставить в строю.

Наш взводный командир унтер-офицер Заикин быстро начал вызывать солдат, а когда в строю осталось уже немного, он посмотрел по сторонам и сказал: «Выходите все, у нас все благонадёжные».

Когда отбор был закончен, начальник команды поручик Дун-

Барковский повёл команду к штабу. Подошёл к генералу и отрапортовал: «Идёт пулемётная команда. Она не была там, где произошло убийство». Генерал махнул рукой: «Ничего не знаю, ведите обратно». Нас снова отвели в сферу огня. Выведена была лишь только маршевая рота, прибывшая из запасного батальона, в составе которой был наш земляк Увакин Степан Васильевич.

В это время один разведчик, Георгиевский кавалер 2-й степени Василий Орлов, взял своего коня и подъехал к цепи спешенных казаков. Он стал спрашивать, зачем с нашим полком так расправляются.

Казаки рассказали, что офицеры наговаривали, что этот полк идёт по дорогам грабить и убивать мирное население. Орлов объяснил им, что полк идёт с фронта в тыл на отдых, и велел передать всем казакам по цепи.

Потом он поехал к казакам, которые стояли на шоссе, и тоже с ними стал разговаривать. Внезапно, дав шпоры коню, он прорвался через цепь и, подняв облако пыли, поскакал по шоссе. В цепи сначала все растерялись, а потом несколько раз выстрелили, но безрезультатно.

Орлов ускакал в штаб корпуса и сообщил обо всём. Оказалось, что это было сделано втайне от командования корпуса. Всё это вызвало большой переполох. С фронта снялись 2 корпуса гвардейской пехоты, корпус кавалерии и корпус гвардейской артиллерии.

В это время к нам снова обратились генерал и комиссар Временного правительства. На вопрос «Кто убил офицеров?» из рядов вышел один солдат и заявил, что это он убил полковника. Его отвели в машину. Вышел другой: «Я помогал ему». Его тоже отвели в машину.

Казаки с пиками окружили груп-

пу солдат в количестве 1800 человек, отказавшихся наступать по приказу Керенского, и отвели куда-то.

Стало уже темнеть, когда нас повели на ночлег в деревню Жищинцы. После ужина все земляки собрались вместе и обсудили пережитое за день. Пришли Личутин Афанасий Петрович, Владимир Яков Васильевич, Голубцов Евгений Александрович, Булатов Николай Дм., Аникиев Гр. Андр., Мыльев Александр Васильевич. Спать разошлись за полночь.

Всю ночь казацкие разъезды патрулировали около деревни, а утром их не стало. Жители рассказали, что вчера из деревни никого не выпускали.

Среди солдат стали ходить слухи, что на Украине формируются какие-то особые войска.

Украинцы, что были в наших ротах, стали поговаривать, что скоро получат кавалерийскую форму, лошадей и пойдут бить «москалей». На общем собрании полка выяснилось, что продвижению наших частей вглубь России препятствуют гайдамаки. Они предъявляют требование сдать оружие, так как оно находится на территории Украины и потому является украинским. На собрании было решено послать делегата к Ленину.

Делегатом был избран унтер-офицер Шишенин. Полки стали двигаться ближе к железным дорогам, что проходили через Киев. Через две недели вернулся Шишенин и доложил общему собранию полка, что был в Смольном и получил разъяснение: оружие не сдавать. Почта через Киев проходит плохо.

Что делается в России – не знаем. Солдаты с ближайших районов разбегаются по домам, а полк всё время двигается, а куда – непонятно.

28 сентября пришли в деревню около местечка Бор и задержались в

ней. Ко мне подошёл незнакомый солдат. На нём были гимнастёрка и фуражка, на ногах красные ботинки с обмотками.

Он сказал, что отстал от своего сибирского полка, а теперь пойдёт с нами. Но после этого я его не видал. Когда много лет спустя я прочитал книгу «Как закалялась сталь», посмотрел на портрет автора и узнал, что тот солдат был Николай Островский.

3 октября началась подготовка к выборам, получили много агитационной литературы, брошюры, партийных программ от партии кадетов, эсеров, большевиков, монархистов. Много проходило митингов.

Ораторы призывали солдат голосовать за кандидатов, указанных в бюллетенях. На митингах выступал и комиссар Юго-Западного фронта эсер Сургучёв. Он извинился перед солдатами за проявленную грубость, попросил забыть это и подать голоса за его кандидатуру в Учредительном собрании, так как он имеет большой авторитет в ЦК своей партии.

Но солдатская масса уже разбиралась, кого нужно поддерживать. Голосование длилось весь день, а подсчёт голосов был сделан ночью. За кадетов было подано 50 голосов, а за партию Ленина – 5000. На следующий день стало известно, что 50 офицеров полка вместе с командиром полка сбежали.

На общем собрании полка было решено выбрать командира полка тайным голосованием. Большинство голосов было подано за старшего унтер-офицера Канушина.

Это был мой первый учитель в Царском Селе. Среднего роста, широкоплечий, Георгиевский кавалер 3-й степени.

Он отказывался, но полковой комитет не принял его отказов. Также были выбраны командиры во всех подразделениях.

Полки двигались, сменяя друг друга, и дошли до местечка Бранлов. 4-й полк вступил в город на ночёвку, а мы заняли деревню Симаки.

В БОЯХ С ГАЙДАКАМИ

Утром 6 декабря была объявлена тревога. К нам подъехали артиллеристы с орудиями и снаряжными ящиками и сообщили, что Бранлов заняли гайдамаки, часть 4-го полка разоружили. Полки собрались за городом. Гайдамаки вывели на дорогу к городу броневики.

Командование войска послало делегацию, чтобы разрешили занять Бранлов, но гайдамаки отказали. Целый день мы лежали цепями на мёрзлой земле, а вечером отошли, заняли деревню Головинцы и выставили охрану с пулемётами.

На другой день отошли километров на 12, заняли деревню и стояли в ней около месяца.

Там мы встретили новый 1918 год. Гайдамаки часто начали беспокоить нас.

6 января разведка донесла, что гайдамаки ушли из города на какую-то операцию. Полки спешно собрались, и город был занят. Утром 8 января заиграли боевую тревогу. Оказалось, что гайдамаки вернулись с операции. Их эшелоны подходили к станции.

Наши пулемётчики открыли огонь. Гайдамаки высадили пехоту, а эшелоны стали отходить. Наше командование выслало один полк в обход справа. Пехота противника стала перебежками приближаться к нашим цепям, в то время как обходная группа ударила с фланга и тыла. Видя такое положение, гайдамаки сдались.

При допросе пленных, а их было около 150 человек, выяснилось, что командовал ими полковник Песковский, бывший командир одного из батальонов нашего полка. Он сбежал сразу после выборов.

Дальнейшее продвижение пол-

ка стали делать осторожно. Всегда высылали вперёд конную разведку. При подходе к городу Винница была выслана разведка.

Разведчики влетели на окраину города, узнали, где штаб гайдамаков, и прямо туда. Начальник разведки, войдя в штаб, с ходу предложил сдаваться, так как город окружён.

Атаман гайдамаков не поверил и приказал проверить. Сам он вышел из штаба, а с ним и начальник разведки, который сразу же вскочил на коня и вместе с разведчиками поскакал обратно. Нам опять пришлось заночевать в деревнях.

Утром полки выступили к городу. Пользуясь утренним туманом, пехота заняла окраину города и стала продвигаться дальше. Артиллерия была по городу шрапнелью.

Когда наши стрелки шли по мосту через реку, разделяющую город на две части, гайдамаки открыли огонь из пулемётов. Солдаты залегли и открыли ответный огонь. Восемь стрелков остались лежать на мосту. Стрельба продолжалась до темноты.

Под покровом темноты два полка были посланы в обход. В то время на станции происходила лихорадочная погрузка составов. Наша артиллерия изредка била по вокзалу шрапнелью.

Около полуночи полки подошли к вокзалу незамеченными и с криком «Ура!» пошли в атаку. На станции поднялась паника. Часть составов не успела уйти. По неизвестной причине не ушёл один бронепоезд.

На следующий день была создана комиссия по приему трофеев. На складах было обнаружено 1500 станковых пулемётов, тысячи снарядов, миллионы патронов. Бронепоезд требовал небольшого ремонта. И это было сделано очень быстро.

18 января мы хоронили товарищей, погибших при взятии Винницы. Похо-

роны проводились со всем воинскими почестями. Братская могила была вырыта на площади перед народным домом.

На церемонии присутствовали и местные жители.

После было объявлено, что будет митинг. Мы построились перед домом с балконами. На балконе третьего этажа появилось два человека. Один – среднего роста, широкоплечий, другой – сухощавый в очках, похожий на молодого гимназиста.

Оба оратора очень понравились солдатам. Тогда нам не объяснили, кто выступал, а впоследствии по фотографиям я предположил, что это были Котовский и Свердлов.

23 января часть полков погрузили на бронепоезд, и мы двинулись на станцию Казатин. Станция была взята с ходу. Гайдамаки отступили.

25 января мы с группой товарищей, погрузив в грузовые вагоны лошадей, стали догонять полки.

На станции Фастов был страшный хаос. Разбитые вагоны. Разбитый вокзал. Всё полотно дороги было засыпано сахарным песком, так что мы прямо набирали его в кружки и наливали чай. Стояли горы белья, ничем не прикрытые. Нижние ряды уже почернели. Гора лаптей, гора подков, двуколки новые.

Несколько дней мы грузили обмундирование в складах. Солдатам выдали новые сапоги, две пары белья, шинели. Здесь же получили сообщение о том, что заключён Брест-Литовский мирный договор с Германией.

Часть полков двинулась на Киев. Три дня там шёл бой. Потом гайдамаки отступили, и наш состав тоже двинулся на Киев.

В городе мы увидели следы этого трудного боя. Вокзал был сметён полностью. Виден был только плиточный пол. Деревянные постройки сожжены.

У каменных домов отбиты углы, пробиты стены.

В сохранившихся домах в окнах вместо стёкол – фанера, газеты, подушки. В городе было не видно ни одной живой души.

ДОМОЙ

На следующий день тронулись на Москву. Как говорили солдаты, пошли в Россию. Скоро прибыли в Курск, где увидели русских людей, русскую упряжку на лошадях.

Потом были Орёл, Тула, Москва. В Москве получили фураж на лошадей, и наш поезд пошёл на Петроград. Прибыли в Царское Село, разгрузились. На всех прибывших сразу стали составлять списки на мобилизацию.

Получили деньги из полковой кассы, хлеб и консервы.

Командование предоставило нам специальный вагон, чтоб ехать в Архангельск. Нас собралось туда человек 30.

Окружными путями наш вагон привели на Николаевский вокзал и прицепили к поезду на Архангельск. Поезд шёл тихо, с частыми остановками. Многие поезда обгоняли нас.

На станции Тихвин мы перебрались в скорый поезд, но там было столько народу, что нам достались места только на платформе. Так и ехали стоя.

В Вологде к нам присоединилось около 10 матросов. Вооружённые наганями, они ходили к начальнику станции и требовали сформировать поезд на Архангельск.

Начальник обещал, но время шло, а поезда не было. Матросы снова пошли к начальнику станции, и он указал, где поезд будет формироваться.

Мы заняли один вагон и через сутки были уже в Архангельске.

А 1 марта 1918 года мы с другом Глебом Куренгиным добрались на лошадях до Мезени.

ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ ЭСЕРА ЗИНОВЬЕВА

ЩИПИН Владимир Игоревич – историк (Москва)

На переломе эпох на гребне успеха вдруг оказываются люди, которые при других обстоятельствах никогда не смогли бы высоко взлететь. Кому-то из них удается удержаться наверху, кто-то, не выдержав, все-таки скатывается вниз. Одним из таких людей, испытывавшим как радость и головокружение от неожиданного взлета, так и болезненную горечь падения, стал Иван Николаевич Зиновьев.

И.Н.Зиновьев родился 12 февраля 1889 года в деревне Максимовской Черевковской волости Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. Жизнь с детства не баловала мальчишку: когда ему исполнилось пять лет, умерла мать. В шестнадцать лет похоронил отца. Иван закончил двухклассное (пятигодичное) начальное училище и в четырнадцатилетнем возрасте отправился в Архангельск, где с 1903 года работал на Маймаксанском удельном лесозаводе и лесозаводе братьев Кыркаловых.

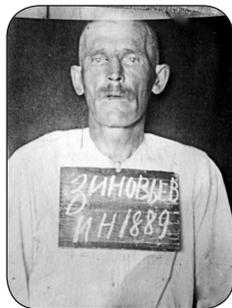
В 1905 году принимал участие в забастовочном движении архангельских рабочих, а в 1908 году вступил в партию эсеров. В летние месяцы 1911 и 1912 годов работал в лесоустроительных партиях в Карелии.

В 1912 году Зиновьев был призван в армию и проходил службу в конвойной команде в Архангельске, где дослужился до унтер-офицерского чина. Осенью 1916 года был направлен в 171-й запасный полк в Красное Село под Петроградом. Здесь и застала его Февральская революция.

Получив известия о волнениях в Петрограде, солдаты полка направились в столицу. Иллюстрацией «деятельности» Зиновьева и его товарищей могут служить строки из воспоминаний такого же солдата запасного полка Воробьева: «Разъезжая по городу, нам

приходилось стрелять по засевающим в зданиях юнкерам и офицерам и отвозить арестованных к месту назначения. Я живой свидетель, когда везли двух генералов арестованных, их оставили на мосту одного канала и бросили этих генералов в канал, а потом плавающих в канале пристрелили прямо в воде. В Петрограде нам пришлось около 2-х недель бродить по городу, питались в любой столовой бесплатно и ночевать в столовых и кинотеатрах на стульях. А потом нас разместили в казармах около Петропавловской крепости».

Уже 27 марта (!) 1917 года унтер-офицер Зиновьев «был определен начальником отряда по снятию оружия с жандармерии по Северной железной дороге от Петрограда до г. Котлас». 28 февраля он выехал из Петрограда в составе нескольких сотен уполномоченных от войск Петроградского гарнизона, «присоединившихся к народному движению», как писали газеты. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов поставил перед ними задачу установления новой власти на местах. Сам Зиновьев в 1941 году показывал, что ему поручалось «разоружение буржуазии в Вятской губернии и с. Черевко-



Зиновьев И.Н.

ве». О бесчинствах на железных дорогах почувствовавших вседозволенность солдат писал в газете «Голос солдата» в те дни А.Л.Менциковский, ставший позже близким товарищем Зиновьева: «На станциях железной дороги по всей России великой стон стоит, и этот стон у населения и смятение железнодорожных служащих доносится к нам. Толпы солдат хозяйничают по линиям железных дорог так, что есть убитые и избитые...».

4 марта И.Н. Зиновьев добрался до Черевково. Смелый, решительный, не лишенный авантюризма, он практически в одиночку сумел установить в селе и волости власть Временного правительства.

Установилось какое-то напряженное ожидание, волостное правление бездействовало, земский начальник Быстров не выходил из своей квартиры. Первые газеты с более или менее полными сообщениями о Февральской революции пришли только 6 марта, народ дежурил у почты, ожидая свежие газеты, которые тут же зачитывались до дыр. Наконец, в пятницу 8 марта из Сольвычегодска была получена телеграмма № 44, в которой начальнику почты предписывалось известить население волости о необходимости избрать Черевковское волостное отделение Сольвычегодского временного комитета, который к этому времени уже начал функционировать в уезде.

9 марта в помещении волостного правления собрались уполномоченные от сельских обществ, представители духовенства, учителя, немногочисленное чиновничество волости. Действовали привычным способом, как это обычно было принято на волостных сходах. Начальник почты и телеграфа Попов (как и Зиновьев, член партии эсеров) зачитал полученную телеграмму и предложил собранию избрать председательствующего,

«в которые единогласно был избран состоящий на действительной военной службе унтер-офицер Иван Николаевич Зиновьев».

Оказавшись на вершине волостной власти, Зиновьев вел себя грубо и развязно. Характерным примером грубости, неуважения к людям, которые по каким-то причинам были неприятны лично Зиновьеву, явилось его отношение к интернированным немцам и австрийцам, с начала войны высланным из западных губерний России в Черевково. Таких в волости к весне 1917 года проживало 276 человек. Жилось им нелегко, население относилось к немцам и австрийцам недружелюбно, хотя те вели себя вполне лояльно к окружающим. Среди них было много рабочих и ремесленников высокой квалификации, велика была доля лиц со средним и высшим образованием.

До Февральской революции волостное правление и местный земский начальник Д.А. Быстров интернированных хотя и не жаловали, но и не обижали. Совсем по-другому повел себя по отношению к немцам вновь избранный волостной комитет.

Уже 21 марта 1917 года интернированные направили в Сольвычегодский уездный временный комитет жалобу на ущемление их прав со стороны новых черевковских властей. Как они писали, волостной комитет установил для немцев суровый комендантский час: жилища запрещалось покидать с 18 часов вечера до 12 часов следующего дня (прежние власти ограничивали передвижение интернированных только в период с 21 часа до 6 часов утра). Это практически лишило немцев возможности выходить на работу, они не могли купить своим детям молока или просто сходить утром за водой к колодцу. Кроме того, они справедливо указывали, что «беспрерывное 18-часовое пребывание в

душных и негигиеничных квартирах, в которых нашему большинству приходится ютиться, дурно отразится на нашем здоровье».

Особые претензии интернированные высказали в адрес Зиновьева: «Прибывший сюда из Петрограда г-н Иван Николаевич Зиновьев при получении полного уважения с нашей стороны позволяет себе обращаться с нами, унижая наше достоинство и оскорбляя нас. Обращение на «ты» к нам со стороны нашего начальства до сих пор еще не применялось. Г-н Зиновьев же дважды обьявил нам, что разговор на «вы» нам не подобает. <...> Большая часть из нас получила среднее образование, есть также между нами немало лиц, окончивших университеты и другие высшие школы, имеющих офицерский чин и потомственное дворянство».

Карьерный взлет Зиновьева продолжался. В марте он был избран постоянным членом Сольвычегодского уездного временного комитета, но тут он столкнулся с определенными трудностями. Фактически И.Зиновьев являлся дезертиром, самовольно оставившим воинскую часть. На это резонно указал уездный воинский начальник, к нему присоединились и некоторые члены Сольвычегодского уездного комитета.

29 марта 1917 года Зиновьев вынужден был просить помощи у земляков — членов волостного комитета: «...прошу вас всех, граждане, постарайтесь обо мне... освободить от военной службы, хотя месяца на три... Еще тоже похадательствуйте, подайте телеграмму в сто семьдесят первый запасной полк, в канцелярию господину командиру полка и дайте мне телеграмму, что оттуда получите».

Земляки постарались и направили в полк, где служил Зиновьев, телеграмму: «Действующая армия, командиру 171 запасного полка.



Билет Союза Социалистических революционеров максималистов, выданный И. Зиновьеву

Приговором волостного схода Черевковской волости избран уполномоченным [в] Сольвычегодский уездный комитет действительной службы унтер-офицер Иван Зиновьев. Телеграфируйте, может ли он быть уполномоченным как солдат действительной службы». Что ответил командир полка и ответил ли вообще, неизвестно, а тем временем Зиновьев продолжал подниматься выше.

1-2 июня 1917 года он председательствует на заседаниях съезда выборщиков Сольвычегодского уезда на Всероссийский съезд крестьянских депутатов, избирается депутатом Сольвычегодского уездного совета крестьянских депутатов и членом уездной продовольственной комиссии. Затем участвует в работе первого губернского съезда крестьянских депутатов, где избирается делегатом первого Всероссийского съезда крестьянских депутатов.

В ноябре 1917 года Зиновьев был избран председателем первого Совета крестьянских депутатов в родном Черевкове, а затем и председателем волостного земельного комитета. Весьма своеобразно понимая решения новой власти, 31 декабря 1917 года он добивается в Совете и на волостном сходе принятия решения о конфискации имущества зажиточных крестьян и местного духовенства. 2 января 1918 года оно было проведено в жизнь.

Были конфискованы: частновладельческие земли, сенокосы, скот, земледельческие орудия, хлеб, семена, летние экипажи, а также и находящиеся на крестьянской земле дома, амбары, торговые лавки. Имущество было сложено в одно место и назначено к распродаже. Пострадавшие: священники Харлампий Пулькин, Иоанн Белорусов, Стефан Островский и крестьяне Пирогов, Заборский, Мокеевы, Попов, Пиликин, Горяев, Дмитров забросали уездный совет телеграммами с жалобами на самоуправство волостного совета во главе с Зиновьевым.

Видя действительные масштабы произошедшего произвола и беззакония, уездная земская управа все же была вынуждена вмешаться, направив Черевковскому земельному комитету письмо, в котором указывалось: «Уездная земская управа такие действия комитета считает неправильными и преждевременными, так как без законных оснований, инструкций и распоряжений подлежащим учреждениям отобрание производить ни в коем случае недопустимо, а тем более описи или взятию на учет принадлежит только излишний, а не как полностью живой и мертвый инвентарь».

Но Зиновьев не был бы самим собой, если бы не довел начатое дело до конца. В волости на своем посту продолжал активно работать местный лесничий А.М.Флоринский. В обстановке всеобщего беспорядка и попустительства он вместе с немногочисленным штатом лесных объездчиков и лесников жестко пресекал любые попытки самовольных лесных порубок, а попросту говоря, беззастенчивого воровства леса. На том же историческом волостном сходе 31 декабря Зиновьев предложил собравшимся разобраться и с Флоринским. Благодарным предлогом для этого было одно из положений все того же Декрета о земле, которое гласило: «Все недра

земли: руда, нефть, уголь, соль и т.д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озера, леса и проч. переходят в пользование общин, при условии заведывания ими местными органами самоуправления».

По инициативе Зиновьева сход предложил перевести лесные угодья Черевковского лесничества в разряд мелких лесов общинного пользования, что означало передачу контроля над лесными угодьями в руки земельного комитета. А уже на этом основании сход принял следующее постановление: «Мы, нижеподписавшиеся граждане Свободной России Сольвычегодского уезда Черевковской волости, собранные по предложению Черевковского волостного земельного комитета, в присутствии председателя Зиновьева и секретаря Леднева для обсуждения текущих дел <...> единогласно постановили: находящегося в данное время лесничего Флоринского уволить от должности, на что ему и дать недельный срок для отправки и на будущее время вновь лесничих не приглашать, а если и будут, то считать их неправомочными».

Наведя «порядок» в родном селе, спустя месяц Зиновьев отправился в Петроград делегатом на Первый Всероссийский съезд земельных комитетов, где принимал участие в разработке «Основного закона о социализации земли». На этом же съезде он был избран в состав Главного земельного совета при Наркомземе РСФСР и активно участвовал в подготовке Декрета ВЦИК «О лесах».

Один из авторов закона, Н.И. Фалеев, позже вспоминал, что «в работе горячее участие принимали товарищи Д.Васильев (Петроградская губ.), И.Зиновьев (Вологодская губ.)» и далее: «Тов. И.Н. Зиновьев умел влиять своими

речами на представителях непримиримого Севера». Работа продолжалась несколько месяцев, Главный земельный совет за это время вслед за правительством РСФСР переместился из Петрограда в Москву. Таким образом, Зиновьеву удалось пожить и поработать в обеих столицах.

В августе 1918 года Наркоматом внутренних дел И.Н. Зиновьев командирован в г. Великий Устюг в распоряжение Северо-Двинского губисполкома. Здесь он занял должность заместителя заведующего отделом внутреннего управления (то есть отдела внутренних дел) и председателя бюро пропусков (органа, выдавшего разрешения на перемещение в прифронтовой зоне). В Великом Устюге состоялось знакомство Зиновьева с председателем Северо-Двинского губернского исполкома А.Л. Менциковским, который возглавлял местную эсеровскую организацию.

Позже Зиновьев говорил: «По прибытии в город Великий Устюг, через 2-3 дня я встретил председателя губисполкома левого эсера Менциковского на собрании актива... Менциковский просил зайти к нему в губисполком. Когда я пришел к нему в кабинет, тогда он дал мне анкету о вступлении в партию левых эсеров. После этого Менциковский с моих слов заполнил эту анкету, и я ее собственноручно подписал. На второй день в кабинете Менциковского я получил партийный билет № 108».

Но 28 ноября 1918 года состоялось общее собрание эсеров великоустюгской группы. Собрание приняло решение о признании «необходимым непрременное слияние с партией коммунистов-большевиков». На этом собрании И.Н. Зиновьев был избран членом ликвидационной группы эсеровской парторганизации. После этого на какое-то время он остался беспартийным.

В мае 1919 года в селе Черевкове было жестоко подавлено антисоветское выступление крестьян.

И.Н. Зиновьев был брошен на укрепление местных органов власти и вновь был избран на должность председателя Черевковского волостного совета крестьянских депутатов, одновременно он входил в отряд по снабжению Северного фронта. Здесь, в Черевкове, Зиновьев вступил в члены РКП(б). Заявление И.Н. Зиновьева было опубликовано в уездной газете «Голос бедняка»: «Состоя в партии левых эсеров с 1908 г., ныне прерываю всякую связь с последней и вступаю в РКП(б), в чем и подписуюсь. И. Зиновьев».

Спустя год Иван Николаевич вернулся в Великий Устюг, сначала делегатом III губернского съезда Советов, на котором стал членом Северо-Двинского губисполкома, а затем он был назначен заведующим губернским земельным отделом.

В 1920 году Зиновьев женился на фельдшере Александре Николаевне Лебедевой, друг за другом у них родились дети: Зиновия и Рафаил.

В мае 1921 года Зиновьева перевели на должность заведующего коммунальным отделом губисполкома, и тут произошли неизвестные нам события, которые привели к тому, что Зиновьев уже в июле того же года оказался на должности заведующего Черевковским детским домом. Пробыв на этом месте ровно год, он был назначен заведующим районной избой-читальней в Черевкове. Не Бог весть какая высокая должность, но она стала трамплином для попытки Ивана Николаевича удержаться в партийной и советской номенклатуре: в октябре 1922 года он был избран секретарем Черевковского райкома партии.

Прошел год, и Зиновьев вновь понижен – его назначили организатором работы среди женщин, а так-

же он стал командиром 2-го взвода 31-й роты Сольвычегодского уездного военкомата. В 1924 году он уже служил уполномоченным губернского отдела соцобеспечения при Черевковском райисполкоме, а затем уполномоченным Красного Креста по Черевковскому району.

В том же году И.Н. Зиновьев организовал в Черевковке артель инвалидов «Польза» и стал ее председателем. Артель занималась помимо традиционных занятий инвалидов и лесоповалом (!). Правда, пользы от «Пользы» Зиновьев не увидел, в 1927 году он был привлечен к уголовной ответственности за недостачу 41 кубометра древесины и приговорен к 10 месяцам тюремного заключения, но срок не отбывал по амнистии. Причиной недостачи стало беспробудное пьянство Зиновьева на должности председателя артели, за что он получил партийный выговор. Еще раньше, в 1926 году, ему также был объявлен выговор за пьянство.

Но несмотря ни на что, Зиновьев продолжал держаться на плаву, видимо, партийному начальству был нужен этот грубый, малообразованный пьяница с партбилетом в кармане.

После провала работы артели «Польза» он был направлен заведывать избой-читальней в Холмовский сельсовет, где также возглавил местную партячейку. Здесь он ухитрился получить еще один выговор – «за отказ работать в избе-читальне».

Но сколько веревочке ни виться, конец все же нашелся: в мае 1928 года, после того как было возбуждено уголовное дело по поводу недостачи древесины в возглавляемой им артели, Зиновьев был исключен из рядов партии.

Он обращается в Северодвинский губком партии, но не найдя там поддержки, апеллирует в Центральную контрольную комиссию при ЦК ВКП(б).

Дело рассматривается самим Емельяном Ярославским, председателем ЦКК, однако решение не в пользу Зиновьева – в протоколе заседания парткомиссии ЦКК появляются следующие строки: «Подтвердить постановление Северо-Двинской ГКК от 2/VI-28 года об исключении Зиновьева И.Н. из членов ВКП(б)».

Казалось бы, все потеряно. Исключение из партии – «волчий билет» для любого, но только не для Зиновьева. Уже в октябре 1928 года он назначен начальником пожарной охраны Черевковского района. В 1929 году на волне сплошной коллективизации И.Н. Зиновьев предпринимает решительные шаги, организовав и возглавив одну из первых в Черевковке сельскохозяйственных коммун «Красный луч».

Сельская беднота активизировалась и редкий день не заседала группа бедноты, готовя кляузные материалы на среднекрестьянские хозяйства для вывода их в кулаки или твердозаданцы».

Зиновьев активно участвовал в раскулачивании своих односельчан. В результате к коммуне перешли лошади и коровы кулаков Карбасова, Морозова, Яковлева. Но конфискованное имущество не пошло впрок коммунарам. Хозяйствовали они из рук вон плохо, учет был налажен отвратительно. Ревизия склада коммуны (заведующий – В. Щипин) в 1930 году показала, что «продаются продукты за наличный расчет членам коммуны, деньги никуда не приходятся, ни в какую ведомость....»

Не случайно, что в течение двух недель после публикации в «Правде» статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов» из коммуны вышло 24 хозяйства. Поспешил ретироваться и И.Н. Зиновьев: с 1 апреля 1930 года он вновь возглавил пожарную службу района.

(продолжение следует)

ЛОЦ – КОМАНДИРЫ ОБЩЕСТВА АРХАНГЕЛЬСКИХ ЛОЦМАНОВ

**МЕНЬШИКОВ Вениамин Максимович – член
Архангельского областного отделения Всероссийского общества
охраны памятников истории и культуры**

(Окончание, начало в № 5/2014)

Престин Константин Иванович (6 августа 1864–1935 гг.) руководил Обществом с 26 января 1909 года по 14 декабря 1911 года.

Родился в г. Кронштадте в семье матроса военно-морского флота. После окончания штурманского отделения технического морского училища в г. Кронштадте с 1887 года проходит службу на Севере. Проводил гидрографические работы в Белом море, у берегов Новой Земли и в устье реки Печеры. В 1896–1898 годах возглавлял Сумский мореходный класс.

В 1897–1899 гг. командовал парусным судном «Лейтенант Скуратов», а с 1899 по 1909 годы – пароходом «Лейтенант Скуратов». С 23 марта 1906 года работал штатным преподавателем лоции, морской практики и съемки, алгебры и три-гонометрии Архангельского торгово-мореходного училища, одновременно оставаясь по Морскому ведомству в занимаемой должности.

Приказом по Морскому министерству № 33 от 26 января 1909 года освобожден от должности командира парохода «Лейтенант Скуратов» и назначен лоц-командиром Общества Архангельских лоцманов, продолжая преподавательскую деятельность в торгово-мореходном училище.



Престин
Константин Иванович
Фото из музея Арктического морского института им. капитана В.И.Воронина

За период исполнения им обязанностей лоц-командира Общество должно было дальнейшее своё развитие. За 1910 год прибыль составила 45 311 рублей, капитал – 302 601 рубль. По итогам 1911 года прибыль – 76 216 рублей, капитал – 371 965 рублей.

С октября 1911 года Престин К.И. возглавил Дирекцию маяков и лоции. По архивным материалам, он еще в январе 1918 года руководил Дирекцией, а в сентябре 1918 года документы данного ведомства подписывал другой руководитель (не установлено: при советской власти в Архангельске или при интервентах Престин К.И. оставил этот пост. – *авт.*).

В годы Первой мировой войны Корпуса флотских штурманов генерал-майор К.И. Престин возглавлял Архангельское торгово-мореходное училище.

2 августа 1918 года Архангельск был захвачен интервентами. Учебное заведение столкнулось с огромными трудностями и лишениями (не установлена причина ухода его с должности начальника училища – *авт.*).

Награжден орденом Святой Анны 2-й степени; орденами Святого Владимира 3-й и 4-й степеней. В представ-

лениях к награждению Престин К.И. аттестовывался как достойнейший и много лет потрудившийся на пользу Отечества офицер и преподаватель училища.

На торжествах 8 ноября (21 ноября по новому стилю) 1913 года, посвященных 300-летию существования Общества Архангельских лоцманов, он был награжден юбилейным знаком.

Весной 1920 года, вскоре после изгнания интервентов и белогвардейцев, К.И. Престин, генерал-майор в отставке, был единогласно избран (выборы были тайными) первым начальником Архангельского техникума водного транспорта. В 1924 году вышел на пенсию, однако еще на продолжении шести лет работал преподавателем.

В 1930 году переехал на жительство в Ленинград, где прожил последние годы у старшего сына – Престина Евгения Константиновича – офицера Краснознаменного Балтийского флота, репрессивного и расстрелянного в январе 1938 года, реабилитированного в 1956 году.

Константин Иванович Престин скончался в 1935 года и похоронен в Ленинграде.

Капитан Корпуса гидрографов Олизаровский Николай Алоизович (29.11.1872 г. – ?) возглавлял Общество лоцманов с 28 декабря 1911 года по 15 октября 1916 года.

Родился 29 ноября 1872 года в Майкопе в дворянской семье: отец – офицер – участвовал в войне с горцами; мать – дочь фабриканта.



*Престин Константин Иванович с детьми
Фото из музея Арктического морского института им. капитана В.И.Воронина*

Олизаровский Н.А. окончил в 1904 году Бакинское Императора Александра II мореходное училище дальнего плавания. Служил в Баку на кораблях Каспийской военной флотилии. Переведен во флотский полукорпус Балтийского флота в г. Кронштадт, в последующем зачислен в корпус гидрографов Главного Гидрографического Управления Морского министерства. Приказом по Морскому министерству от 15 декабря 1911 года за № 372 он назначен лоцманом Общества Архангельских лоцманов, вступил в должность 28 декабря 1911 года.

В 1913 году предоставлено право ношения светло-бронзовой медали в память 300-летия царствования Дома Романовых и знака в память 300-летия Общества Архангельских лоцманов им. Царя Михаила Федоровича. Произведен 30 июля 1915 года в капитаны Корпуса гидрографов флотилии Северного Ледовитого океана за «отлично-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами войны» с оставлением при прежней должности.

За период его руководства продолжался дальнейший рост показателей Общества: в 1912 году прибыль составила 25 757 руб., капитал возрос до 397 055 руб., в 1915 году прибыль – 61 230 руб., капитал – 492 596 руб.

В октябре 1916 года переведен на должность помощника начальника Архангельского торгового порта.

С 18 февраля и до 16 июля 1917 года – заведующий грузового района «Бакарица» и грузового района «Экономия». До 10 июня 1918 года служил в Управлении помощника Главного начальника по технической части (Поглавнач). Затем служил в белых войсках Северного фронта: с ноября 1918 г. на речной флотилии; в июле-августе 1919 г. – в отделе торговли и промышленности Временного правительства Северной области (ВПСО); в декабре 1919 года – командир Маймаксанской дружины.

В начале 1920 года вернулся в Баку. Служил лоц-командиром общества Каспийских лоцманов. По неподтвержденным данным, расстрелян. Похоронен в Баку.

Капитан Корпуса гидрографов Бутаков Степан Иванович (27.12.1879 – 29.12.1927 гг.) руководил Обществом с 16 октября 1916 года до 18 февраля 1920 года.

Родился 27 декабря 1879 года в деревни Ершовка Лявленской волости Архангельского уезда и губернии в семье потомственного моряка, выходяща из крестьянского сословия. С пятнадцати лет он ходил в море, а в восемнадцать стал матросом.

Окончил Корпуса флотских штурманов императорское военноморское училище Балтийского флота в Кронштадте. В 1904 году служил в Любаве на броненосце береговой обороны «Адмирал Чичагов». Затем, в декабре 1904 года, переведен в Архангельск на пароход «Пахтусов» на долж-

ность производителя гидрографических работ. Занимался исследованиями морей Северного Ледовитого океана. Имя Бутакова С.И. было увековечено в названии острова Баренцевого моря и морской банки на побережье Кольского полуострова, обследованных гидрографической экспедицией в 1908 году. Назначен в 1912 году на должность командира гидрографического судна «Мурман».

Приказом Главноначальствующего г. Архангельска и района Белого моря от 16 октября 1916 года за № 417 Бутаков С.И. назначен исполняющим обязанности лоц-командира Общества Архангельских лоцманов, а приказом по Морскому ведомству от 17 марта за № 32 он утвержден в должности лоц-командира Общества.

Степан Иванович широко известен по трудам архангельских историков, журналистов и писателей как незаконно осужденный за якобы деятельное участие в белом движении и проводку к Архангельску военных судов интервентов и расстрелянный 29 декабря 1927 года, реабилитированный в 1992 году. О его родовых корнях, жизненной позиции и трагической судьбе повествует фильм «Штрихи семейной биографии», созданный его внучкой Бровиной Любовью Борисовной и другими его потомками.

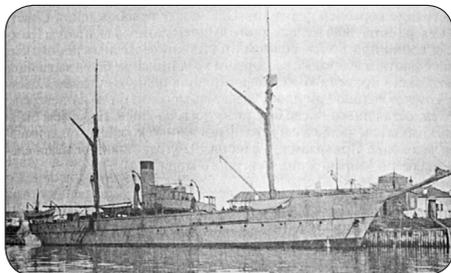
Руководить Обществом Бутакову С.И. пришлось в очень сложный период истории страны: Первая мировая война, революция и Гражданская война. Верный воинскому долгу он со всей ответственностью относился к исполнению служебных обязанностей. Только 1916 год был благоприятен для Общества, которое достигло наилучших результатов за всю историю существования (прибыль достигла 57 829 руб., капитал – 543 982 руб.).

С.И.Бутаков пользовался авторитетом у подчиненных. Об этом свидетельствует то, что в феврале 1918 года

Общество Архангельских лоцманов согласно требованиям нового устава было преобразовано на автономных началах в Архангельский отдел Всероссийского Союза лоцманов, и на общем собрании отдела 26 февраля 40 голосами против 2-х он был избран Председателем отдела. Кроме того, в 1927 году допрашиваемый в качестве свидетеля по уголовному делу лоцман Котцов Андрей Иванович пояснил, что Бутакова Степана Ивановича знает с 1916 года как лоцман-командира и что сотрудники, находящиеся в его подчинении, его любили и считали за хорошего человека.

Исходя из тяжелого материального положения и неопределенного состояния отдела, С.И.Бутаков направляет в Центральный комитет Всероссийского Союза лоцманов, в Архангельский губернский исполнительный комитет, в Морское ведомство и другие советские учреждения письма, в которых обращает внимание на то, что «...остается один исход – за неимением средств ликвидировать Отдел лоцманов, хотя по уставу лоцманов Отдел самовольно закрывать свою деятельность не может, тем более, что Отдел является организацией общегосударственной и его нельзя смешивать с каким-либо акционерным или торговым предприятием, а между тем спрос на лоцманов является ежедневным, лоцманский сбор не оправдывает даже хозяйственные расходы». Он просит решить следующие вопросы: о переводе Отдела на казенное содержание, поскольку все лоцманские организации в России существуют исключительно на государственных субсидиях; о возврате 73948 руб., перерасходованных Отделом в 1917 году; об утверждении устава Отдела. В этих письмах прослеживается искреннее стремление к служению Отечеству, гордость за порученное дело. Однако, как он выразился, «ходатайства эти остались гласом вопиющего в пустыни».

С захватом власти в Архангель-



Посыльное судно «Бакан»

ске 2 октября 1918 г. белыми и интервентами на основании предписания начальника Беломорского лоцманского округа от 4 октября 1918 года за № 3128 и приказа командующего флотилией Северного Ледовитого океана от 25 октября 1918 года за № 200 Бутаков С.И. издает приказ № 19 от 12 ноября 1918 года о ликвидации Архангельского отдела Всероссийского Союза лоцманов и функционировании Общества на началах, существовавших до его реорганизации в указанный отдел, руководствуясь законами Временного правительства и Уставом лоцманского Общества».

Представляет интерес документ, свидетельствующий о бескорыстности С.И.Бутакова и его предшественников: «...20.21,22 января 1919 года Ревизионной комиссией от Управления Архангельского Торгового порта... была проведена ревизия денежной отчетности, инвентарного и материального имущества Общества за период времени с 31 марта 1916 года по 1 января 1919 года и найдено все в полном порядке».

Навигационный 1919 год не внес ничего нового для Общества и не улучшил его материального положения. Оно еще более критическим, с уходом 27 сентября 1919 года интервентов из Архангельска прекратился приток денежных средств в кассу Общества, а за отсутствием прихода с этого вре-

мени в порт иностранных судов нельзя было рассчитывать на поступление в остальной части годового лоцманского сбора.

В феврале 1920 года Бутаков С.И. вместе с отступающими белогвардейцами покинул Родину.

После восстановления советской власти староста Общества К.М.Пустошный издает приказ №3 от 18 февраля 1920 года: «По случаю внезапного отъезда лоц-командира С.И. Бутакова согласно ст. 33 Устава Общества я с сего числа вступил временно в управление делами Общества».

На этом заканчивается период руководства Обществом лоц-командирами – офицерами флота, статус которых был определен Уставами 1900 и 1911 годов. Общество же ещё просуществовало под руководством временно управляющего делами Общества Пустошного К.М. до июля 1920 года, когда оно было переименовано в лоцманский отдел Управления Архангельского торгового порта, а далее 5 октября 1920 года было переведено в ведение Убеко–Север и стало именоваться лоцманским отделом этого управления.

Введение должности лоц-командира было потребностью как внутренних, так и внешних обстоятельств. Это ярко проследживается в рапортах старосты Общества лоцманов К.М.Пустошного:

В портовый отдел «Беломортрана» рапорт за № 219 от 18.06. 1920 года: «По случаю внезапного отъезда лоц-командира 18 февраля с.г...я вступил в исполнение должности лоц-командира... но так как в мою прямую должность старосты лоцманов не входят работы по гидрографии и я как не специалист, то покорнейше прошу Вас назначить ...лоц-командира».

Рапорт начальнику Убеко–Север от 20 декабря 1920 года: «Честь имею покорнейше просить Вас назначить

лоц-командира для лоцманского отдела Убеко, так как я временно исполняю должность лоц-командира. Староста лоцманов не специалист по всем работам лоц-командира, куда нужен хороший гидрограф и к тому же при настоящем положении дела нужно много свежей энергии, чтобы можно было уладить всем и всегда».

Общество Архангельских лоцманов возглавляли на протяжении почти 20 лет не случайные люди, а специалисты – гидрографы и штурмана, офицеры флота, имеющие большой опыт гидрографической работы и судовождения, а также обладающие командирскими и организаторскими способностями и навыками. Это давало им возможность квалифицированно руководить коллективом лоцманов, а также строить четкие, деловые отношения с органами управления губернии, военными и другими ведомствами, то есть, как выразился К.Пустошный, «уладить всем и всегда».

Лоц-командиры сыграли большую роль в подготовке Архангельского порта к испытаниям в Первой мировой войне. Имело большое значение и то, что в период войны бывшие лоц-командиры Н.Ф. Лемяков и К.И. Престин, опытные организаторы и специалисты, находились в Архангельске и, используя возможности занимаемых постов (первый – гласного городской Думы, второй – директора маяков и Лоции Белого моря), а также как члены Архангельского присутствия по портовым делам и Архангельского отделения Императорского Общества по судоходству, оказывали существенную помощь лоцманскому обществу.

Н.Ф. Лемяков, К.И. Престин, Н.А. Олизаровский и С.И. Бутаков, возглавляя Общество Архангельских лоцманов, с честью выполнили поставленные перед ними задачи и заслуживают нашей признательности.

ХИРУРГ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ

АНДРЕЕВА Анна Владимировна – директор музейного комплекса СГМУ

В феврале 2014 года исполнилось 150 лет со дня рождения хирурга Сергея Андреевича Никонова, оставившего яркий след в архангельской медицине. Он известен не только как высококвалифицированный врач, но и «народоведец, политкаторжанин и ссыльнопоселенец, автор воспоминаний об А.И. Ульянове». Жизнь его полна сюжетов, достойных отдельной книги, которая рассказала бы о российской ссылке конца XIX – начала XX века (С.А. Никонов – трижды ссыльный). Как утверждают историки, дожить почти до 80 лет ему посчастливилось благодаря не только высокому происхождению, но и судьбе.



Никонов С.А.

Сергей Андреевич Никонов родился 26 февраля 1864 г. в Одессе в известной дворянской семье. Его отец, вице-адмирал Андрей Иванович Никонов (1811–1891), был участником Кавказской войны и обороны Севастополя, являлся Севастопольским градоначальником и командиром порта, впоследствии – членом Военно-морского суда в Петербурге. После окончания Севастопольской гимназии Сергей учился на математическом факультете Петербургского университета, затем поступил в Военно-медицинскую академию.

Еще во время учебы в университете Сергей Никонов вступил в организацию «Народная воля». Вместе со студентом физико-математического факультета Петербургского Университета Александром Ульяновым (старший брат В.И. Ульянова–Ленина) он принял участие в организации покушения на царя Александра III. Оно готовилось несколько месяцев, было назначено на 1 марта 1887 года

– день годовщины смерти императора Александра II. Покушение не состоялось. Источники свидетельствуют, что причиной тому было «несерьезное отношение одного из идейных вдохновителей П. Шевырева и его товарищей – революционеров В. Осипанова, В. Генералова, П. Андреюшкина и А. Ульянова», являвшихся организаторами Террористической фракции партии «Народная воля». Все основные участники и организаторы покушения на царя были арестованы и повешены в Шлиссельбургской крепости 8 мая 1887 г. Другие же были приговорены к пожизненным ссылкам или ссылкам на 20 лет.

Сергея Никонова арестовали 18 января 1887 г. по делу о пропаганде среди юнкеров. Через 11 месяцев он по болезни был выпущен на поруки отца. Но в мае 1888 г. за участие в террористической деятельности Сергей Никонов был приговорен к высылке в административном порядке на 4 года в Минусинск.

В дальнейшем революционер описет свое пребывание в Красноярском крае. Красоты одного из старинных городов на Енисее его тогда мало интересовали. Более его увлекал тот факт, как устроено общество.

В Сибирь к нему прибыла молодая супруга Нина Васильевна Никонова, урожденная Москопуло. В Минусинске родился сын Никоновых – Андрей.

В конце первой ссылки С.А. Никонов получает печальное известие о смерти отца, винит себя во «невнимании и доставленных родителю неудобствах». Адмирала похоронили 25 ноября 1891 г. на Новодевичьем кладбище Петербурга. Примечательно, что Андрей Иванович был награжден орденом Белого орла, орденом св. Александра Невского и получил бриллиантовые знаки к этому ордену.

Вернувшись в 1892 г. из ссылки в родной дом, С.А. Никонов обнаружил, что мама «больна по возрасту». Возможно, это стало одной из причин выбора его дальнейшего образования. Он уехал во Францию, где окончил медицинский факультет Парижского университета. Поддержка родственников позволила Никонову жить безбедно в Европе, но, получив диплом, они вернулись в Россию.

В 1901 г. Сергей Андреевич приступил к работе хирургом в городской больнице Севастополя, где вскоре стал старшим врачом. Сегодня в истории развития 1-й городской больницы им. Н.И. Пирогова в Севастополе сохранено имя хирурга С.А. Никонова, чья кипучая деятельность позволила улучшить положение Севастопольской городской больницы (семья Никоновых, как и другие меценаты, жертвовала на постройку новых зданий, в т.ч. двух-этажного корпуса и домовой церкви).

Но политическая активность не оставляет Никонова. С 1901 г. он – член севастопольской группы партии соци-

алистов-революционеров. В 1902 г. его избирают руководителем Севастопольского комитета партии социалистов-революционеров (ПСР).

В январе 1904 г. Никонов выслан на три года в Архангельск. Как и многим другим ссыльным врачам, ему была разрешена врачебная практика, и он некоторое время работал внештатным врачом больницы Приказа общественного призрения, в родильном и гинекологическом отделениях. Получил разрешение на врачебную практику в Исакогорке, но вскоре был освобожден от наказания и вернулся в Севастополь.

Первая архангельская практика была недолговременной, но вскоре последовала новая ссылка в Архангельск. Супруга Никонова Нина Васильевна служила в это время в Саратове. В 1905 г. она была арестована, просидела три месяца в тюрьме и была отпущена под залог, так как вскоре должна была родить ребенка. Через полтора года ее судили и приговорили к одному году крепости. Отбывать наказание ей разрешили в Архангельске, куда был отправлен ее вновь арестованный муж.

Супруги Никоновы были всецело преданы делу революции, притом строго принципиальны и дисциплинированы. Неудивительно, что в Архангельске они оказались в центре организации ссыльных.

В 1907 г. С.А. Никонов вновь арестован и помещен в Севастопольскую пересыльную тюрьму. В связи с беспокойной обстановкой на Черноморском побережье, на все время нахождения крепости Севастополь на военном положении, Никонова решено выслать из Крыма.

Местом его ссылки определили Шенкурск Архангельской губернии. Уездный городок с населением около 2 тысяч человек не устраивал революционера С.А. Никонова, и он,

как высококвалифицированный врач, заручившись поддержкой коллег по предыдущей ссылке, добивается места в Архангельске.

В сентябре 1907 г. С.А. Никонов получил официальное разрешение остаться в Архангельске на все время ссылки и заниматься медицинской практикой. Его услугами как хирурга и гинеколога пользовались Архангельская больница Приказа общественного призрения и уездные больницы, куда он приглашался для консультаций и проведения операций. За пределы Архангельска (Емецк, Холмогоры) выезжал по особому разрешению губернатора. За три года работы в Архангельской губернии он произвел около 600 различных операций.

Никонов впервые в Архангельске начал применять новые методики оперативного лечения некоторых болезней, в частности, аппендицита, которыми овладел во время работы в клиниках Европы.

Как ссыльный, С.А. Никонов не имел права быть членом Общества архангельских врачей (ОАВ), однако принял активное участие в его работе, присутствовал практически во всех заседаниях в качестве гостя. Он оперировал в лечебнице ОАВ, три раза в неделю вел хирургический и акушерский прием, участвовал в организации строительства нового здания лечебницы и оснащения операционной. Составил проекты инструкций для врачей, среднего и низшего персонала лечебницы. Позднее исполнял обязанности заместителя заведующего лечебницей, фактически заведующую ею.

С.А. Никонов был признан выдающимся хирургом, своими медицинскими познаниями и хорошим отношением к больным он завоевал себе громадное уважение и популярность со стороны коллег и населения.

Хирург Никонов принял дельное участие в организационных меропри-

ятиях по строительству нового здания лечебницы ОАВ. Он вошел в состав врачебной комиссии, контролировавшей многие вопросы. Среди членов ОАВ были те, кто имел опыт работы за границей, что позволило внедрить их практические знания в обустройстве, в т.ч. вентиляцией, водопроводом, канализацией и др. нового здания, открытого в 1909 г. на углу улицы Воскресенской и Псковского проспекта. В дальнейшем, в 1923 г., в этом здании откроется родильный дом им. К.Н. Самойловой.

Вместе в С.А. Никоновым в Архангельске проживала его семья. Супруга руководила работой по встрече ссыльных в городе, устройству их на квартиру и на работу, обеспечением ссыльных в уездах. Сам Никонов оказывал медицинскую помощь прибывающим арестантам на дому, организовывал лечение ссыльных в больницах города. Деятельность Никоновых контролировалась жандармским управлением. В этот период усилился надзор за работой лечебницы ОАВ, для чего по настоянию врачебного управления был введен новый устав лечебницы.

При подготовке этого материала удалось обнаружить копию фотографии 1909 г., на которой – группа политических ссыльных в Архангельске. Одна из них – П.Н. Шавердо.

Известная эсерка Паулина Наполеоновна Шавердо (1861 г.р.) за пропагандистскую работу среди солдат в 1908 г. была арестована и приговорена к ссылке в Архангельскую губернию на 4 года. По пути в ссылку ее ждали Бутырская и Ярославская пересылочные тюрьмы. Находясь на поселении, она сотрудничала с газетой «Киевские вести» под псевдонимом «Старенькая бабушка». Учитывая, что Шавердо была первоначально акушеркой, она имела много возможностей описать профессиональное сотрудничество с



*Группа политических ссыльных в г. Архангельске. 1909 г.
2-й ряд: 4-й слева – С.А. Никонов, 5-я – П.Н. Шавердо.*

С.А. Никоновым, но ее воспоминания – «Архангельская ссылка» – больше повествуют о положении ссыльных. Эти воспоминания позволили узнать жизнь семьи Никоновых и других ссыльных в Архангельской губернии.

Каждый этап встречался несколькими ссыльными, чаще всего это были супруги Никоновы.

В случае, если кто-нибудь из ссыльных назначался для отправки в отдаленные места губернии, а по состоянию здоровья или по семейному положению ему это было тяжело, тогда общими усилиями старались оставить его и устроить в Архангельске или в одном из ближайших городов. В таком случае к губернатору являлся кто-либо из самых почитаемых ссыльных (чаще – С.А. Никонов или его жена).

Архангельские ссыльные были связаны со всей ссылкой по губернии. Заброшенным в глухие места товарищам посылались книги, учебники, рабочим – нужные инструменты и другие пособия.

Посылали также деньги, одежду и паспорта для побегов. Никоновы, добывая все это, связывались с другими городами и губерниями, а собранная помощь отсылалась вплоть до каторги непосредственно.

Обладая способностью внушить доверие и уважение, чета Никоновых пользовалась всяким случаем и знакомством, чтобы улучшить положение ссыльных и заключенных. С.А. Никонов добился у губернатора разрешения оставить П.Н. Шавердо в Архангельске, а не отправлять ее в Пинегу, где было определено место ее ссылки. Она стала для Никонова связующим звеном в переписке со ссыльными, подготовке прокламаций, публикаций и в обмене печатными изданиями.

В воспоминаниях П.Н. Шавердо пишет о Никоновых: «Семья состояла из 6 человек: Сергей Андреевич, Нина Васильевна, ее мать и трое детей. Их дочь Маруся обладала большими музыкальными способностями и дивным голосом... Два сына Никоновых – совсем маленький Боря и старший –

гимназист 8-го класса Андрей. Первое революционное крещение он получил в севастопольской тюрьме.

Будучи в 7-м классе, он отбывал наказание в 1905 г. вместе с отцом. Когда Андрей, окончивший Архангельскую гимназию, уезжал в Московский университет, мы решили дать ему конспиративное поручение к московской революционной организации и послать через него кое-что. Через год он попал в засаду и был арестован. Его содержали в тюрьме 8 месяцев. Жандармы так и не узнали, кто ему передал записку революционного содержания. Андрей был осужден к одному году крепости, он был лишен возможности учиться в каком-либо учебном заведении страны. По примеру отца он уехал за границу, в Париж, где и поступил на медицинский факультет, вернулся в Россию уже при советской власти и работал доктором».

П.Н. Шавердо описала состояние архангельской больницы Приказа общественного призрения, где трудился супруги Никоновы, отметив при этом порядочность врачей Гренкова, Мефодиева, Лейбсона и Жовинской, которые «сочувствовали революции». В этой больнице ее спасли от гибели.

В августе 1910 г. закончился срок ссылки Никонова, и он был принят в члены ОАВ. Перед отъездом из Архангельска С.А. Никонов выступил на заседании ОАВ с отчетом о хирургической деятельности лечебницы за три года его работы. Тогда же он выступил и с благодарственным словом своим коллегам: «В Архангельске я не встретил ни препон, ни препятствий в своей работе. Я встречал здесь только одно лишь дружеское содействие...».

Из воспоминаний П.Н. Шавердо: «В июле 1910 г. кто-то из бежавших товарищей написал письмо и неосторожно упомянул фамилию Никонova...

У Сергея Андреевича оканчивался срок ссылки, поэтому жандармы хотели его отправить за решетку. Было предъявлено обвинение в оказании помощи политическим ссыльным и организации побегов. Но, несмотря на все старания, жандармы никакого дела создать не смогли...Семью Никоновых провожал буквально весь город. Проводили их с почетом, причем горожане преподнесли Никонову адрес, а о проводах было опубликовано в местной газете».

В 1910 г., после окончания архангельской ссылки, С.А. Никонов переехал в Саратов, затем с 1911 по 1917 годы работал в Оренбургской губернии. В 1917 г. он вернулся в Севастополь, где служил хирургом городской больницы. Затем он стал городским комиссаром и городским главой; в 1918 г. назначен министром народного просвещения Крымского правительства. В январе 1918 г. эсер Никонов участвовал в заседании Учредительного собрания в Петрограде.

Известно, что в советское время С.А. Никонova неоднократно арестовывали, в 1920-е гг. он входил в состав общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, сотрудничал с журналом «Каторга и ссылка». В 1925 г. был выслан из Крыма и работал врачом в Сергиевом Посаде, где в качестве народника подготовил и издал воспоминания об Александре Ульянове.

В 1930 г. Сергей Андреевич Никонов вернулся в Севастополь, откуда позднее с семьей переехал в Ленинград. Известно, что скончался легендарный деятель в 1942 г. в Ленинграде.

В музее истории медицины Европейского Севера продолжается исследование, связанное с именами ссыльных медиков, среди которых, несомненно, самым ярким является имя Сергея Андреевича Никонova.

АВИАЦИЯ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

СУРОВЦЕВ Сергей Викторович – писатель, член Российского общества историков-архивистов, культурно-просветительного общества «Норд»

Какие только самолеты не летали в небе Русского Севера! Сначала были «Юнкерсы» и «Дорнье», затем их заменили отечественные: «Сталь-2», К-5, По-2, Р-5, гидросамолеты Ш-2 и МБР-2. Они принадлежали 33-му авиаотряду, управлению Севморпути, аэроклубу Осоавиахима, Ненецкому окр-исполкому, областному Красному кресту.

Малоизвестно, что у нас существовала также авиация ОГПУ. 1 февраля 1926 года приказом спецотдела ОГПУ была организована Северная воздушная линия при Соловецких лагерях. Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН) находился в системе Главного управления лагерей (ГУЛАГ). Так что эту авиацию можно назвать авиацией особого назначения.

В 1925 году число заключенных на Соловках достигло 7727 человек. Учреждением руководил чекист Яков Моисеевич Мороз, под началом которого находился также Ухто-Печорский трест (Ухтпечлаг). Начальником Соловецкой воздушной линии был назначен летчик **Лев Владиславович Ковалевский**. Надо сказать, что Мороз и Ковалевский приложили немалые усилия для развития там авиации.

Легендарный русский авиатор Лев Ковалевский окончил Морской кадетский корпус и Бакинскую школу морской авиации. Он был в числе первых русских пилотов, освоивших аэропланы и летавших в Первую мировую войну. За храбрость и боевые заслуги во время Гражданской войны смелый летчик был награжден орденом Боевого Красного Знамени.



Лев Ковалевский

Однако происхождение бывшего царского офицера Ковалевского не сулило ему безоблачных перспектив в службе. ОГПУ было известно, что два его брата воевали в армии Деникина. Вероятно, поэтому, чтобы избежать репрессий, Лев Владиславович предпочитал работать в отдаленных от центра местах: Петрозаводск, Архангельск, Соловки, Карпушевка (Коми).

1 апреля 1926 года в 17 часов Л.В. Ковалевский, механик А.М. Вызля и представитель ОГПУ И.И. Полозов на гидросамолете МР-4 взлетели с аэродрома Кемь и взяли курс на Соловки. Через 15 минут на высоте 1200 м они облетели остров Ромбаки для выяснения границы берегового льда, однако попали в полосу сильного тумана и потеряли ориентацию. После двухчасового поиска летчику удалось найти аэродром и благополучно приземлиться.

Так воздушная линия Кемь – Соловки начала свою работу. Об этом сообщила газета «Известия»: «В апреле 1926 года начальник Соловецкой воздушной линии товарищ Лев Ковалевский со вторым пилотом совершил перелет Ленинград – Петрозаводск – Соловки. Это первый перелет на Крайний Север».

На Соловках Л.В. Ковалевский организовал воздушную станцию для приема самолетов. В 1926–1927 годах на острове был построен ангар для самолетов и гидропорт для гидропланов.

В феврале 1930 года в Архангельск из Белоруссии приехал пилот **Виталий Сущинский**, который, как «вредитель колхозного движения», был выслан на Север сроком на 5 лет. Здесь он устроился работать машинистом на пароход «Слон». Весной 1932 года Сущинский уехал в Кемь на работу мотористом в авиаотряде ОГПУ.

6 августа 1930 года пилот ОГПУ Я.Ф. Степанов первым проложил авиатрассу из Архангельска в Ухту. В 1931 году было принято решение организовать Воздухлинию Ухтпечтреста. В феврале 1931 года первый полет из Архангельской области в Чибью совершил пилот В.Г. Снежков с механиком В.Г. Линдемано. Оба они перешли в непосредственное подчинение Я.М. Морозу.

В 1932 году приказом ГУЛАГа Соловецкая и Вишерская воздушные линии были ликвидированы, а самолеты переброшены на Печору. В деревне Карпушевка под Усть-Цильмой, было решено создать основную авиабазу воздушной линии Ухтпечтреста, самого масштабного в тот период проекта НКВД. Самолеты были нужны для обеспечения оперативной связью и перевозками огромной территории от Котласа до Урала и от верховий Печоры до Северного Ледовитого океана.

К концу 1931 года в Ухтпечлага было уже четыре «юнкерса» Ю-20. Эти двухместные самолеты-разведчики отработали свой ресурс в военно-морской авиации, но были еще пригодны для эксплуатации. Позже воздушная линия пополнилась гидропланами Ю-13, Ю-21, Ш-2 и более современными самолетами К-5, У-2, ПР-5, П-12.

На их фюзеляжах было крупно написано УПТ (Ухтпечтрест) – легальное наименование Ухтпечлага.

Лагерные объекты Ухтпечлага были разбросаны на сотни километров друг от друга. В каждом из них работало свое производство: бурение на нефть и уголь, добыча полезных ископаемых, горные работы, строительство автомобильных и железных дорог для вывоза продукции.

Осенью 1931 года этапом из Нарьян-Мара в Ухту прибыла партия из 60 – 70 заключенных для обустройства центральной авиабазы в Карпушевке. За короткий срок они построили необходимые сооружения: ангары, ремонтные мастерские, технические склады, бензохранилище, здание управления, жилые дома для персонала, общежитие для летчиков, столовую, баню.

Организовать работу Воздухлинии Ухтпечтреста ОГПУ Яков Мороз поручил опытному летчику Льву Ковалевскому, бывшему начальнику Соловецкой воздушной линии. С собой тот привез опытного пилота Виталия Сущинского. С Вишерской воздушной линии пришел пилот **Владимир Гинце**, который после отбытия срока заключения считал за благо остаться на Севере вплоть до начала войны.

Лев Ковалевский в короткий срок сумел создать дружный коллектив летчиков и технических специалистов. В нем работали заключенные и вольнонаемные, а также «колонизованные». Под его руководством проводилось обустройство центральной авиабазы в лагерьном пункте Карпушевка, возле села Усть-Цильма.

На территории Воздухлинии открыли несколько аэропортов, называвшихся воздушными станциями – в Ухте, Усть-Усе, Воркуте. Первая воздушная трасса была проложена через Чибью на Воркуту пилотом Владимиром Гинце. В кабине самолета с ним были бортмеханик С.П. Курлышев и первый пассажир Я.М. Мороз. В июне 1932 года на Воздухлинии начались регулярные полеты.

Кстати, фамилия Гинце упоминается в одном из рассказов Варлама Шаламова, испытавшего все адские круги ГУЛАГа. «Я, пробывший на Вишере с апреля 1929 года до октября 1931 года, застал и видел только берзинское. Личным пилотом Берзина (на гидроплане) был заключенный Володя Гинце – московский летчик, осужденный за вредительство в авиации на три года. Близость к начальнику давала Гинце надежду на досрочное освобождение, и Берзин при своем презрении к людям это хорошо понимал».

В апреле 1932 года Гинце на самолете ПР-5 участвовал в поисках летчика Фариха, который вылетел из Москвы на остров Вайгач, чтобы привезти в столицу начальника экспедиции ОГПУ Эйхманса. Из-за густого тумана и пурги Фарих произвел вынужденную посадку в тундре и пропал. Летчика и его пассажира-чекиста начали искать. Через девять дней Гинце со спасателями нашел занесенный снегом самолет К-5. С их помощью Фарих смог запустить мотор самолета и продолжить путь. 2 мая он достиг острова Вайгач. Там он взял на борт Эйхманса и полетел обратно.

Гинце Владимир Александрович с 1922 года служил в армии. За два года окончил Егорьевскую и Качинскую авиашколы, высшую Московскую авиашколу, Серпуховскую школу воздушной стрельбы и бомбометания. В 1924 году служил в строевых частях ВВС. В 1925 году был назначен летчиком-инструктором. В 1928–1930 гг. – летчик-испытатель научно-испытательного института ВВС. 4 декабря 1930 года Гинце был осужден коллегией ОГПУ на три года концлагерей. Так он оказался в Вишерлаг – одном из первых лагерей в СССР.

Гинце стал первым в истории Ухтпечлага пилотом-заключенным, которому был доверен штурвал самолета. Причем первые полеты Гинце совер-



Владимир Гинце

шал с конвоиром на борту. Но скоро он стал летать с бортмехаником С.П. Курлышевым.

После освобождения он еще семь лет провел на Севере. В 1936 году Гинце был вольнонаемным старшим летчиком. В 1937 году участвовал в поисках пилота Сушинского в зимней тундре Ненецкого округа уже как представитель ГВФ. Период нахождения в Ухтпечлага в 1931–1938 гг. Гинце в своей анкете обозначает, как работу в авиационной экспедиции НКВД.

В 1940–1953 годах Гинце работал летчиком-испытателем в Московском авиационном институте, на Саратовском и Долгопрудном авиазаводах. Он испытывал серийные самолеты Як-6, По-2, а также Ту-2 и Пе-8. Получил звание капитана, работал инспектором Министерства авиапромышленности. Награжден орденами Знак Почета, Красной Звезды и медалями. Из всех осужденных пилотов европейского Русского Севера 30-х годов только В.А. Гинце дожил до старости.

В 1932–1934 годах самолетами Ухтпечлага управляли пилоты: Л.В. Ковалевский, В.В. Сушинский, В.А. Гинце, К.Л. Кайдан, П.М. Захаров, А.Д. Ширинкин, В.Г. Шлатер, Гриневиц, Степанов,

Плавинский. Бортмеханиками у них были: В.А. Кавецкий, Поплавский, В. Котюков, Кекушев, Пахомов, Игнатов, Санжеровский. Эти отчаянные пилоты являются одними из первооткрывателей заполярных воздушных трасс.

16 апреля 1934 года при выполнении полета в сложных метеоусловиях Лев Ковалевский и бортмеханик Поплавский погибли при вынужденной посадке у реки. Начальником Воздухлинии Ухтпечлага был назначен Павел Васильевич Маркус. Он родился в Москве в 1897 году. До ареста работал инженером воздушного флота и в МВТУ. 24 марта 1928 года был осужден коллегией ОГПУ по ст.58-6 УК РСФСР на 5 лет. Освобожден досрочно. В мае 1932 года был принят на работу в Ухтпечлаг по вольному найму инженером Воздухлинии.

П.В. Маркус погиб в авиакатастрофе 4 октября 1936 года. Начальником Воздухлинии был назначен летчик Константин Лукич Кайдан, который был в этой должности до 30 июля 1937 года. Его сменил сотрудник оперчекистского отдела Ухтпечлага Ф.Е. Волчанский.

Пилоты Ухтпечлага бороздили холодное небо над огромной территорией тайги и тундры от Котласа и Воркуты до заполярного Нарьян-Мара». Они летали над незнакомой местностью в сложных северных условиях, порой с риском для жизни.

Бывший заключенный Ухтпечлага, бортмеханик полярной авиации Николай Львович Кекушев вспоминал, что в Ухтинском лагере он встретился со знакомым летчиком Алексеем Дмитриевичем Ширинкиным. «Будучи командированным для приемки самолетов фирмы «Фоккер» в Голландию, своими полетами он привел в восхищение знатоков высшего пилотажа. Там Ширинкина познакомили с дочерью «короля какао» Ван Гутена, которая стала его невестой. Но по возвращении домой летчик был арестован,

осужден за намерение покинуть Родину и отправлен в лагерь».

В годы Первой мировой и Гражданской войн Алексея Ширинкина считали одним из самых опытных боевых летчиков Русской, а затем Красной Армии. Он был награжден двумя орденами Красного Знамени.

Отвага и мастерство, лётный талант и мудрость бойца – эти качества ставили его в один ряд с другими известными авиаторами того времени. На счету воздушного аса Ширинкина 11 воздушных побед.

Вместе с Виталием Сущинским и другими летчиками Воздухлинии Ухтпечлага первые полеты на Печоре совершал пилот Владимир Шлатер. Он родился в 1896 году в Санкт-Петербурге, из дворян. Известно, что в качестве военного летчика он участвовал в Гражданской войне на Северной Двине, а также в подавлении Кронштадского мятежа. Командир 46-го авиаотряда. Был осужден 1 декабря 1929 года коллегией ОГПУ к 5 годам лишения свободы. Реабилитирован 1 марта 1958 года.

28 октября 1937 года постановлением Совнаркома СССР было принято решение о строительстве железнодорожной линии Коноша – Княжпогост – Ухта – Усть-Кожва – Воркута. Для обеспечения строительства на участке Котлас – Воркута было создано летное подразделение с базированием в Княжпогосте, которое потом переместилось в район Ухты.

По-разному складывались судьбы пилотов Соловецкого лагеря особого назначения и Ухтпечлага. Одни летчики подверглись репрессиям, другие погибли в Великую Отечественную войну. И лишь немногим посчастливилось работать в мирное время.

Но документы хранят, а люди помнят имена этих летчиков, попавших в летопись авиации Севера.

Фото из музея авиации Севера

СЛОВО О ВЕРЕ В ПАМЯТЬ О ВЕРЕ АЛЕКСЕЕВНЕ ЗАШИХИНОЙ

ОВЧИННИКОВА Тамара Валентиновна – преподаватель
ИСГИПН САФУ им. М.В.Ломоносова

Судьба свела меня с интересным собеседником – путешественником, бесконечно влюбленным в Русский Север, москвичкой Анастасией Полторацкой. Кандидат филологических наук, она давно и увлеченно занимается историей нашего края, ищет и находит интересных людей, пишет о них репортажи и очерки. И даже издала книгу.

Эта книга о Вере Алексеевне Зашихиной – известной на всю Россию красноборской целительнице. Она жила в деревне Середовина, которая находится в 6 километрах от села Белая Слуда Красноборского района Архангельской области.

Дар целительства открылся Вере Алексеевне не сразу: она выучилась на зоотехника в училище Великого Устюга, работала осеменителем в колхозе «Красноборский», увлекалась резьбой по дереву.

Выйдя замуж за капитана дальнего плавания Александра Дмитриевича Зашихина, занялась домашним хозяйством.

Еще в раннем детстве ей было видение Богородицы. Но только в зрелом возрасте она смогла помогать страждущим в их болезнях и лечила людей на протяжении двадцати лет.

Об этой женщине молва шла не только в родном районе, но и во всей стране: ее имя знали даже за границей нашей родины, она пачками получала письма о помощи.

За свой труд Вера Алексеевна не брала денег. В основном ей несли хлеб, сахар, крупу, чай... Да и те скромные дары она раздавала более нуждающимся.

Ей было дано не только чудо врачевания, но и дар предвидения.

Возможно, этой женщине были доступны древние сакральные знания наших предков, благодаря чему она улавливала в природе их тонкие энергии и пропускала через себя...

В книге «Нам не дано предугадать...» Анастасия описывает свои встречи с Верой Алексеевной Зашихиной, а также воспоминания людей, знавших целительницу лично, которым Зашихина помогла вылечиться от недугов и болезней.



ШВЕЦИЯ – РОССИЯ: ДИАЛОГИ О ЛЕСАХ

ВАРФОЛОМЕЕВ Лев Александрович – кандидат сельскохозяйственных наук

Дмитрий Владимирович Трубин десятки лет работал в лесоустроительных экспедициях и органах лесного хозяйства Архангельской области, занимал должность главного лесничего; знает леса и лесное хозяйство региона, как говорится, вдоль, вглубь и поперек. Нынче он, заслуженный лесовод Российской Федерации, кандидат сельскохозяйственных наук, все чаще заявляет о себе как об оригинальном писателе-публицисте. Его перу принадлежит сборник «Беломорская тайга вчера сегодня и завтра» (1988 г.) и увлекательное эссе для чтения на досуге «Дачные приключения интеллигентов на пенсии» (2012).

Новой удачей считаю последнюю изданную им книгу – «Швеция – Россия: диалоги о лесах». С одной стороны, это насыщенные впечатлениями путевые записки в краткосрочной заграничной командировке о встрече с шведскими коллегами, с другой стороны, обстоятельный анализ хозяйствования в северных лесах у них – в Швеции и у нас – на севере России (не в нашу пользу!). И вместе с тем занимательный рассказ, пересыпаемый тонким, добрым юмором путешествующего субъекта.

Лесное хозяйство Швеции в книге предстает как образец ставшего рукотворным, не истощительным и прибавочным благодаря устойчивой четырехсотлетней государственной опеке лесов при различных формах собственности. Такого нельзя сказать о незавидной судьбе лесов России за многотрадальную историю реформ, реорганизаций и трансформаций, с преобладанием потребительского спроса к ним со стороны государства.

Для некоторого успокоения, что и «мы тоже можем!» в конце книги добавлен очерк об Устьянском лесном комплексе как обнадеживающем примере лучшего будущего наших лесов.

Книга иллюстрирована и смотрится как альбом из-за множества (свыше 200!) фотографий и рисунков.

А предисловие написал академик РАН Н.А. Моисеев. Оценивая книгу как прекрасное научно-публицистическое произведение, ведущий лесовод-экономист отмечает писательский талант автора и его замечательное владение художественным словом и считает полезным читать Д.В. Трубина не только лесоводам, но и представителям широкой общественности.



ПОЧЕТНЫЙ ОТДЫХ ДЛЯ СТАРЫХ ВЕЩЕЙ

В наше стремительное время быстро меняется жизнь, а вместе с ней вещи, которые нас окружают. Еще вчера предметы, которыми мы пользовались и восхищались, сегодня пылятся в кладовой.

Фотографией я начал увлекаться лет с десяти. Вначале мне подарили фотоаппарат «Смена-8М». В 8-м классе уже был более существенный подарок от родственников – «ФЭД-3». В институте друг Алексей, который живет теперь в Хабаровске, подарил фотоаппарат «Смена-2» – маленький и с очень твердым корпусом. Его хорошо было брать в походы. На одну из первых моих зарплат учителя приобрел «Зенит», который прослужил мне очень долго. Что-то из старых фотоаппаратов я купил в советское время из любопытства.

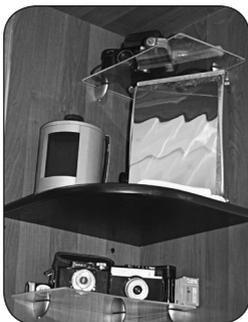
Но вот пришла цифровая технология. И не нужен стал фотоувеличитель с глянецвателем, красный фонарь, кюветы, бачок и прочие принадлежности фотомастера. Жалко было выкидывать все это богатство: сколько с фотоаппаратом пройдено дорог, сколько было разных историй! И вот решил для своих памятных вещей устроить почетный отдых. Так появилась идея сделать выставку, рассказывающую о фотопринадлежностях



Фотоаппарат 20-х годов



Фотоувеличитель



Фотоаппарат «Смена» и
красный фонарь – с них начинался фотограф-любитель

второй половины XX века. Организовали выставочную витрину в зале учебного центра «КИРА», где проходят фотокурсы, в старинном особняке на ул. Поморской, 34 города Архангельска. Небольшая выставка оказалась интересна не только будущим фотографам, но и всем посетителям курсов учебного центра. Молодежь привлекает история, среднее и пожилое поколение – ностальгия по прошлому и воспоминания о молодости.

С.Ключев, фото автора

Журнал зарегистрирован Управлением
Федеральной службы по надзору в сфере связи
информационных технологий и массовых
коммуникаций по Архангельской области и НАО
Свидетельство ПИ № ТУ 29-00113 от 24.08.2009

Отпечатано в типографии ИП Ключев С.Ю.
163000, г. Архангельск, ул. Поморская, д.34.
Заказ № 210. Подписано в печать 06.10.2014.
Тираж 1250. Цена договорная.
Выход в свет 25.10.2014

12+

Рукописи публикуются в авторской редакции.
Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка на журнал «Известия Русского Севера» обязательна.
Рукописи не рецензируются. О возвращении рукописи автор заботится самостоятельно.
Редакция не несет ответственности за содержание рекламных материалов.
По вопросам рекламы обращаться по телефону: (8182) 655-191.

Кира

Типография

www.oookira.ru



Литературно-издательский
центр «ЛОЦИЯ»

www.lotsiya.ru

НД 29.рф

Честный взгляд на жизнь Поморья



Архангельский
некрополь

www.arh-neckopol.narod.ru

Читайте в этом номере:

- ❧ *Архангельская губерния в годы Первой мировой войны (стр. 5)*
- ❧ *Памятник градоначальнику (стр. 7)*
- ❧ *Память – продолжение жизни (стр. 11)*
- ❧ *В ожидании страшного суда (стр. 23)*
- ❧ *Взлёты и падения эсера Зиновьева (стр. 34)*
- ❧ *Хирург и политический деятель (стр. 45)*
- ❧ *Авиация особого назначения (стр. 50)*

ISSN 2078-1407

